

Алиса в стране без чудес

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Переплюев

Алиса в стране без чудес

«Автор»

2026

Переплюев В.

Алиса в стране без чудес / В. Переплюев — «Автор», 2026

«Алиса в стране без чудес» — роман о девочке, которая научилась всё контролировать, кроме собственного сердца. О фотографe, который боится оказаться в кадре. О брате, который возвращается спустя двенадцать лет молчания. О старике, который видит больше, чем показывает. И о компании подростков, которые называют себя «Весёлыми картинками», хотя никому из них не весело киснуть в Бишкеке. Получится ли Алисе поступить в Россию и через скольких людей ей придётся перешагнуть? Читайте и узнавайте

© Переплюев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Владимир Переплюев

Алиса в стране без чудес

Глава 1

Часть I Лисичка

Первый день

1.

Пёстрая от осенней листвы улица походила на цветущее поле, открывающееся взгляду комбайнёра. Бесконечное количество судеб, историй о детстве, первой любви и невзгодах срезались и исчезали в волшебном ящике по воле человека для которого сложная техника была сравни языческому божеству, сползшему на колени и закипающему под ногой собственного творения.

Так Алиса думала, смотря в окно, делая вид что не замечает, как соседка по парте списывает её контрольную, пока скука буравила голову навязчивой картинкой сумерек идолов.

— Алис, ты какие предметы сдаёшь? — спросила полноватая соседка, не выдерживая тишины контрольной.

— Общие с математикой.

— И что, на мехмат пойдёшь?

— Может, на физический, но, если что, всегда съехать можно на другой факультет, но уже по внутренним.

— Вот у тебя всё круто устроено. Я вот не могу определиться: хочется и на филолога, и на психолога. А у тебя как отрезано.

— Да, семь раз отмерено.

— Но, наверное, ужасно скучно знать, что вся жизнь пройдёт по плану. Без трудностей. Имхо, как-то скучновато.

Алисе не понравилось, как это прозвучало. Её раздражало слово «имхо».

— Имхо, имхо, имхо... а что такого в наличии планов?

Соседка заулыбалась и наклонилась почти вплотную.

— Слушай... А тебе вообще нравится то, что ты делаешь? Или ты просто идёшь по пути наименьшего сопротивления?

Алиса пожала плечом. Она чувствовала, что Алипова собирается над ней угорать, не умея это делать тонко, и решила подыграть. — Наверное, да. Спасибо, хорошая мысль.

Соседка замялась. Она начала крутить в пальцах Алисину запасную ручку.

— Просто я смотрю на тебя и думаю... как так можно? Всё решено, всё предсказуемо. Где творчество? Где риск? Ты не боишься, что однажды проснёшься и поймёшь: жизнь прошла мимо?

Алиса медленно вытащила ручку из соседской культи.

— Боюсь. Каждый день. Ты очень проницательна.

Соседка распрямилась и заговорила громче, выпучивая глаза:

— Понимаешь, мне кажется, ты просто боишься себе признаться, что тоже ничего не знаешь. Что все эти «планы» попросту ширма. Ты просто хорошая девочка, которая делает, что велят. Но внутри-то ты другая, правда? Ты ведь боишься однажды проснуться бездарной?

Алиса наконец повернулась к ней. Посмотрела внимательно — так смотрят на забавную картинку в журнале, чтобы потом перевернуть страницу. Кивнула.

— Правда. Спасибо, что раскусила. Я очень ценю, когда меня понимают так глубоко.

Соседка засияла и понизила голос до заговорщического шёпота:

— Ну брось ты эту броню. Скажи честно: тебе ведь тоже хочется иногда плюнуть на всё? Пойти на филфак, писать стихи? Или на психологию что бы начать понимать людей. У тебя же душа есть, а не одни интегралы.

Алиса наклонила голову набок и тронула губами подобие улыбки.

— Душа? О, это ты верно заметила. Просто она у меня, знаешь ли, тоже по плану работает. С графиком отпусков и выходными по воскресеньям, субботам и пятницам, для совершения революции в чистый понедельник.

Соседка засмеялась чуть снисходительно.

— Ты всё иронизируешь. А я серьёзно. Придёшь ты в институт, а там окромя чистых теорем ещё и мальчики. Не страшно?

Алиса вздохнула почти по-дружески, положила ладонь на парту.

— Страшно. Дикий ужас. Спасибо, что предупредила. Ты настоящий друг и учёный, жду газету с заголовком «В Кыргызстане открыли второй пол».

— Думаешь, ты такая рациональная. А на деле просто боишься ошибиться. Поэтому и выбрала самое прямое и скучное. Чтобы не падать.

Алиса посмотрела на неё с искренним любопытством. Помолчала. Потом достала из пенала линейку, провела пальцем по ребру и сказала, глядя прямо в глаза.

— Какой ужас. Ты права. Боюсь ошибиться. Боюсь упасть. Боюсь, что на психологии меня забудут, а на филологии зачитают до смерти. Ты просто спасла меня сегодня. Честно. Не ожидала от подписчика медузы проповеди, а тут умут кидает обут в омут как спасательный круг. Благодарствую.

Она пододвинула к соседке листок с контрольной, который та уже двадцать минут списывала. — Допиши. Я не обижусь.

Соседка взяла ручку, занесла руку контрольной и замялась.

Алиса оставила соседку наедине с её маленькой, неловкой победой в стиле профессора Попова. Та ещё что-то говорила вслед про «вечный поиск», про то, что «главное не бояться чувств», но слова уже не долетали. Они разбивались о стекло, за которое Алиса себя поместила в соседство с октябрём, переживающим болезнь Боткина.

Алиса снова почувствовала пустоту, похожую на комнату, из которой вынесли всю мебель, а обои с цветочками, зайчиками, следами от гвоздей остались.

— А ведь когда-то, — мысль эта пришла откуда-то из-под рёбер, — я любила совсем другое.

Она закрыла глаза и вспоминала жаркое лето, с маревом над арыками, сидит в траве, выше целый лес из одуванчиков. Каждый стебель, как фонарный столб, каждый пушинка, как маленький зонтик или парус, ждущий ветра. В двух ладонях от земли, ползёт жук. Медлительный, важный, в блестящих чёрных доспехах. Алиса ловит его в объектив папиного фотоаппарата. Внутри головы звенит голосок, который должен услышать маленький жучок: стой, не шевелись, сейчас, один кадр. Ей тогда четыре, и она верит, что если сфотографировать жука на одуванчике, то иллюзия вспышки заставит его жить вечно на извивающейся ленте.

Жалкая сентиментальность в голове Алисы переливалась миелофоном, донося до животного начала: никаких плёнок не осталось.

«Потому что был один мальчик».

Алиса вдруг удивилась тому, как отчётливо помнит его. Имя стёрлось, осталась буква, какая-то простая, круглая, вроде «О» или «С». Но всё остальное будто вырезано на внутренней стороне век.

Он всегда ходил в белой рубашке. То в парадной для линейки, то в своей, особенной, в полосочку, мятой, с закатанными рукавами и пятнышком на груди, похожим на пиратскую карту. От него пахло бабушкиными пирожками. Тёплым, сдобным, чуть ванильным духом.

Алиса помнила запах спустя годы, стоило кому-то рядом достать свежую выпечку, и мальчик в полосатой рубашке возникал перед глазами не упокоенным призраком.

У него не было четырёх передних зубов, когда он улыбался, на натянутой слюнке между клыками запутывался солнечный зайчик. А ещё он носил фиолетовые круглые очки из толстого пластика. Стекло в правой линзе было немного мутным, он однажды упал с горки. Алиса помнила, как он поправлял эти очки, когда читал ей вслух книжку про «Алису в стране чудес» или «Маленького принца». Читал с выражением, но шепелявя из-за выпавших зубов.

Этот рыцарь в фиолетовых очках и с запахом бабушкиных пирожков, сломал её фотоаппарат.

Она тогда три часа ждала, когда вылезет из земли майский жук, которого она лично закопала ещё личинкой. Жук обязательно должен был появиться на рассвете, когда трава была мокрой от росы. Алиса навела объектив, затаила дыхание. И тянувшийся мгновением продолжительный эпизод времени был обесценен мальчиком, который бежал к ней через весь двор с криком «Смотри, что я нашёл!», споткнулся о корень старой берёзы и всем телом налетел на её руки.

Фотоаппарат выскользнул. Ударился о камень.

Она не помнила, что он нашёл. Какую-то книжку сказок про Алису Патрикеевну. Не помнила даже, плакала ли она тогда. Помнила только, как поднимала аппарат с земли, а из объектива сыпались персеиды, представляющие в сущности обыкновенные осколки. Белый мальчик в рубашке стоял и повторял: «Я почию, честно, мой папа всё чинит».

Папа не починил и с дорогим чадом уехал. Соответственно мальчика Алиса больше никогда не видела и не звала смотреть жуков. Она постепенно забыла имя и обиду, но что странно, фиолетовые очки и запах пирожков, извлекаемые из памяти случайными событиями, были куда явственнее щелчка затвора её купленной на карманные мыльницы.

Алиса открыла глаза. Звонок звенел, требовательно выдирая её из лета.

В коридоре былолюдно, пахло жареным из столовой. Алиса вдохнула химический запах выпечки и вышла на улицу.

Солнце резало глаза, сквозь жёлтые тополиные листья, на асфальт падали яркие, подвижные тени, похожие при быстром шаге на рогатых жуков. Алиса шла домой, стараясь не наступать на них. Тени уворачивались, перепрыгивали с плитки на плитку, девочке показалось, что на шее у неё висит старый фотоаппарат, а впереди, на одуванчике-зебре, замер рогатый жук, ещё не знающий, что следующий сезон подарит ему глубокий сон без сновидений.

Наваждение длилось не дольше падающего листа. А потом— снова асфальт, сумка на плече и длинная дорога домой, под которой ничего не закопано.

Алиса прошла мимо ларька. Сетка под окошком была когда-то зелёной, а теперь — цвета болотной тины с висящими на ней пожелтевшими и укутанными в целлофан номерами: «Вечерний Бишкек», «Комсомольская правда», ещё какая-то, со скрытым малярным скотчем названием. Изнутри пахло дешёвым табаком, рядом с ларьком спал рыжий пёс по кличке Борька, которого все обходили по широкой дуге. Сегодня Борька, вопреки обыкновению, не спал. Он сидел у порога и смотрел на Алису влажными, немного безумными глазами, будто хотел что-то сказать, но забыл.

Дальше потянулись магазины. Стекланные двери с автоматическими открывашками, срабатывающими чуть позже чем нужно. Алиса любила на них смотреть: подходишь дверь молчит, делаешь шаг молчит, уже почти врезаешься носом и тут она, наконец, устало, со стоном, отъезжает в сторону, пропуская тебя внутрь «Народного». А по бокам от дверей, как статуи сфинксов, дремали хромоногие мусорки. Ржавые, ленивые, они сложили перед собой харчки и окурки.

Потом — поворот в арку. Дом без окон и дверей. Так Алиса называла его в детстве. На самом деле это был торец пятиэтажки, выходящий во двор, но с этой стороны — ни одного

окна, только глухая, покрытая шубой стена, когда-то выкрашенная в цвет увядшей сирени. На стене кто-то оставил граффити: большими чёрными буквами: «ЗДЕСЬ БЫЛ АЗИЗ 2000». С тех пор никто не закрасил и не дописал напрашивающуюся характеристику «ЛОХ» или «ЧМО». Азиз, юный терминатор, наверное, уже вырос, женился. А его имя всё ещё висело на стене, как забытое объявление. Алисе нравилось число две тысячи, её год рождения.

За аркой открывался двор. В котором она жила сколько себя помнила. Всё было в достатке: качели без сидений; железные перекладыны, похожие на скелеты доисторических птиц в британском музее; песочница, заросшая травой, манящая кошек и собак рыхловатой поверхностью; и лавочка.

На лавочке сидел дедушка с тросточкой, в старой кепке с надписью из полустёртых букв. Он сидел тихо, смотрел в одну точку, Алисе сначала показалось, что он спит с открытыми глазами. Потом дедушка шевельнулся, опёрся на трость и начал подниматься.

В том, что её подъезд — особенный, Алиса не сомневалась. Не из-за планировки или облупившейся мозаики, дело в людях, которых он хранил в картотечных недрах. Самой ценной карточкой в этом архиве, затертой до блеска на сгибах, был дед с четвёртого этажа. Сама Алиса жила на пятом, и эта разница в один лестничный пролет казалась ей пропастью. Она знала фамилию деда — Порфирий. Знала, что он просыпается в шесть утра и стучит по батарее, глядя во двор, потому что жила ровно над его комнатой и слушала стук, работающий лучше любого будильника.

В мире фотографии он был классикой, на вроде мамонта, чьи кости хранят в музейных запасниках и достают раз в столетие. В интернете висели его черно-белые портреты — жесткие, безжалостно детализированные лица стариков и детей, снятые на пленку Зенита еще в те времена, когда Алисы не было. Его снимки брали Гран-при на немислимых мероприятиях, типа биеннале в Барселоне или Нью-Йорке. Алиса представляла себе эти выставки: холодный свет галогеновых ламп, паркет, скрипящий под ногами галеристов, и его фотографии в тяжелых рамах. А теперь этот человек жил здесь, среди хромоногих мусорок и «Народного», ходил в вытянутых трениках и старой куртке с логотипом адидаас находящемся в состоянии второго полураспада, да и дедушка, что уж тут скрывать, был похож на отдавшего Богу душу, ещё в её детстве.

Алиса занималась фотографией нервно, запоями, бросая и возвращаясь. У нее был старенький нikon с треснутым дисплеем, который она таскала, снимая то, как свет ложится траву. Ей хотелось показать свои снимки Порфирию, так сильно, что сводило скулы. Но стоило ей услышать шаги на лестничной с характерным шарканьем левой ноги, и она мгновенно пряталась за дверь, прижимаясь ухом к дерматину. Так хищник, за которым она наблюдала, превращался в тень, в недостижимый идеал.

Сегодня случай вытолкнул их лицом к лицу. Он стоял у домофона, держа под мышкой батон нарезного и как-то потерянно глядел на магнитный замок. Казалось, он не мог найти ключ или просто задумался о композиции кадра. Алиса приложила ключ. Дверь сработала с тупой задержкой.

— Спасибо, добрая душа, — сказал он. Голос у него был звучным, как хорошо настроенный инструмент, только чуть подсевшим на нижних регистрах.

Он улыбнулся, и его лицо, изрезанное морщинами, словно карта звездного неба, стало для Алисы совсем не страшным. Она кивнула, не в силах выдать из себя ни слова. Все заготовленные фразы о диафрагме, экспозиции и «я вас знаю» рассыпались в голове. Он прошел, растворившись на четвёртом этаже, а Алиса растворилась на пятом.

Дома пахло борщом и ещё чем-то сладким, наверное, мама решила испечь коржик. Алиса скинула туфли у порога, прошлёпала на кухню.

— Мама, привет.

Мама стояла у плиты, помешивая густую массу в большой кастрюле. Очки у неё чуть запотели от пара, от этого взгляд казался одновременно строгим и смешным.

— Ой, где ты? — пошутила мама, будто не ждала её вовсе.

Алиса улыбнулась. С мамой всегда было легко. Можно было не притворяться.

— Садись, борщ поспекает. Ну что там у вас?

— Да ничего, как всегда. Вроде.

— Вот это «вроде» как раз и будет интересным, — мама выключила газ, сняла крышку и поставила на соседнюю конфорку. — Мне Мамалеры написала.

Мамалеры — учительница физики, Александра Александровна, связанная с её мамой старой дружбой, она мамина подруга по институту, вместе учились на факультете физической культуры. Там какая-то давняя история, травма, и Саша, как звала её иногда мама, перешла в педагогический. Неглупая оказалась, добила всё сама. А её дочь Лера учится в параллельном классе, с ней Алиса общалась с детства и дружила с момента, когда Лере было пару месяцев, а Алиса была только в проекте зачатия своими мамой и папой при науськивании Мамалеры и её, позже почившего, мужа.

— Ну и что она говорит? — спросила наконец Алиса.

— День пожилого человека помнишь?

— И они хотят нас поставить убираться у пожилых.

Мама удивлённо приподняла брови:

— Ты откуда знаешь?

— Предположение.

— В общем, я поговорила с ней. Тебя поставят убираться... в нашем подъезде. Дедушка один есть на четвёртом, — мама махнула рукой в сторону входной двери. — Там немного потрёшь и можно сразу домой.

— М-мм, — Алиса уже отщипнула кусок лепёшки и жевала, не в силах ответить сразу.

«Ну и замечательно. Тут бы в собственной комнате хоть раз убраться, а тут целую хату драить». — подумала она сначала, как вдруг увидела ценник на подарке, преподнесённым матерью с той незатейливой простотой, коя бывает у человека, искренне ловящего радость от дарения.

— Да ты и не думай. В подмётыши тебе поставят ...

Мама повернулась к плите, начала разливать борщ по тарелкам. Алиса заметила, как она берёт с полки по случайности третью. Застыла на секунду. Обычно они ели вдвоём, папа был в безвременной командировке. Но Алиса столь же скоро взялась за узду мысли: мало ли, может, мама просто ошиблась, она ведь пережила.

Пока мама не произносила имени, Алиса пыталась наворачивать поднесённый борщ. Не выходило. Красная картошка парила, дышала жаром в лицо и никак не поддавалась ни вилке, ни зубам. Оставалось только дуть и ждать.

— Зайцев, — досказала мама.

У Алисы дёрнулась ложка. Борщ плеснул на скатерть серией маленьких капель.

В этот момент в её голове происходило нечто вроде внутренней инвентаризации, она представила, как нежно, словно старый библиотекарь с прозрачными пальцами, достаёт из ящика картотеки тонкую папку с надписью: «То, что могло бы меня взбесить, но я решила иначе».

Способность эта возникла не сразу — она росла грибом, питающимся обидами и рефлексией, пока однажды не превратился в нечто, похожее на старую ламповую вычислительную машину размером с человеческий рост, жужжащую где-то на границе между мозжечком и проживающей в раю совестью. Алиса нажимала воображаемую клавишу и происшествие заворачивалось в полупрозрачную бумагу с тихим шелестом. Знание не исчезало, а просто переставало жечь изнутри выпитой залпом кислотой, и становилось чем-то вроде экспоната в музее чужих

неловкостей: можно пройти мимо, вернуться, потрогать пальцем, но оно больше не имеет к тебе отношения.

И сейчас, когда мама сказала слово поиска, огонь внутри памяти вспыхивает, отбрасывая на стены черепной коробки тени прошлых обид и гаснет, оставляя после себя тепло вокруг тени.

«Зайцев. Точно. Помяни чёрта, а он и глаз выколет. Мальчик- зайчик в полосатой рубашке, который раскокал её фотоаппарат. Вот он... пролез, гадёныш, прямо в кухню, в мамин разговор, в тарелку с борщом.»

— Ясенько, — выдавила Алиса и вздохнула, стараясь не думать. Совсем. Ни о жуках, ни об одуванчиках, ни о том, как поднимала с земли битые стёклышки.

Мама насторожилась. Посмотрела на дочь поверх очков — теперь уже не шутливо, а внимательно. — Ты чего? Не рада ему.

— Аппарат расфигачил, — сказала Алиса в свою тарелку.

— Да ну тебя. Когда?

— Ой, да не «да ну».

Мама помолчала. Поставила третью тарелку обратно на полку.

— Он ведь твой брат.

— Ну, да...

— Ладно, — мама вздохнула, но без раздражения, скорее с тем особым материнским «ну что с тобой делать».

Их трапеза наконец-то началась. Борщ остыл до терпимого. Алиса ела молча, слушая, как за окном зажигаются фонари.

2.

Жёлтая лампа следила за россыпью пределов интегрирования и бегущими цифрами. Пример за примером, Алиса методично выводила в тетрадке графики функций при помощи бумажных трафаретов. Алгебра на пару с физикой оставалась единственными предметами, вызывающими интерес в школьной программе.

Но номера кончались.

А это значило, что пора браться за биологию, где предстояло читать очередной параграф про земноводных и отбиваться от занудных вопросов прямым цитированием текста. То же самое с химией. С нелюбимым английским. А литература далеко-далеко отошла со своим Буниным ещё в детство, когда она хотела связать себя маленькой девочкой с эмиграцией.

Она прикрыла глаза. Лампа просвечивала сквозь веки. Позвонки хрустнули, пока она откинулась на спинку. Ей виделись болезненные глаза Бунина, с синими кругами, он смотрит с привычным ему негодованием, уже готовый сказать, как некрасиво она обратила интеграл и разбросала огромную ветвь на несколько малых, фи, подлость достойная низкого, циничного, вредного слуги советского людоедства.

Она шлёпнула по кнопке выключателя и погрузилась в мягкий, голубоватый свет, льющийся через тюль. Нахлынувший влажный ветер шлёпнул окно о стену и раздувал занавеску. Алиса почувствовала себя на корабле. Мысленно дорисовывалась влюблённая пара, а под скрипящим, под её методичным раскачиванием на стуле, паркетом, лежал Порфирий, и ему было всё равно.

Она откинулась ещё, но слишком сильно и чуть не упала. А всё из-за того, что на улице кто-то врубил громкую колонку, поражающей басами тонкие натуры в старых стеклопакетах.

Алиса поправила пряди залезшие в глаза и посмотрела в окно. Это были ребята и, кажется, с ними была Лера.

Алиса закрыла окно. Улеглась на кровать, снова размышляя.

«Может, Бунин и прав, ровно как доставучая одноклассница, и я слишком много делаю по шаблону? Хотя... можно пару ласковых сказать про Алипову и про писанину Бунина.

Столько новелл о несчастной любви, и социальной догматики в надстройке. Да кому столько нужно?»

Она представила зализанного Бунина в смокинге, скривилась.

«Будь книга о нём в руках, то захлопнула бы с оглушительным хлопком, так что обложка бы порвалась, а портрет проявил ускоренный эффект диффузии с соседней страницей, похоронившей его лик под снобским описанием прожитого».

«Третья тарелка».

«Папа. Папа».

Папа не был ни в какой командировке. И это она давно поняла, но скрывала от мамы.

«Как она только держится? Всё время притворяется. Она же, мама, до шестнадцатилетия притворялась что не курит. Пряталась за подругами, как школьница. Курила в тайне. А я сама бы никогда не подумала, если бы не увидела собственными глазами. Столько лет пряталась и скрывалась, а сама говорила, что это плохо. Да, лицемерие. Но какая разница? Цель-то благая — чтобы дочь была здоровой.

А отец... что это с ним случилось? Какой такой солнечный удар от точечного источника света на него обрушился, что он настолько просветлел и ушёл?

Чёртов Бунин со своей трагедиями, где герои могут любить и постареть на двадцать пять лет, а называть это «солнечным ударом». Уродливая новелла, где чередой вспышек точечного источника света выбивает землю из-под ног для одних, а других окрыляет, была обычной жизнью».

Алиса свернулась клубком. Она смотрела на свои руки, обхватившие колени, — как две чашки.

«Здынь-дзынь».

И звук от чашек превращался в свирель звонка над дверью.

«Чтобы к нам кто-то... ну какой «кто-то»? Конечно же, папа. Не Бунин. Не господин из Сан-Франциско. И не чудак, постаревший на четверть века за одну ночь. Обычный папа.

Чтобы тарелка — до краёв. Как семейная чаша».

Она лежала на кровати в позе эмбриона со страниц учебника биологии — её судьба, взвешенная и рассчитанная, была совершенно вне сил её детских желаний. Сердце билось. Она засыпала. А кто-то снаружи решал на каком месяце отправить её при помощи лифта вакуумной тяги экспрессом в рай, так и не дав проинтегрировать бесконечное уравнение вселенной.

Второй день

Великий фотограф проснулся и отбивал палкой по батарее. Алиса живо представила: одной рукой он хватает гантель-бутылку, другой опирается на палочку, стоит у окна и разглядывает площадку с разбросанными по ней лужицами, с вальсирующими в них перистыми облаками. Она представляла всё так отчётливо потому, что однажды в детстве случайно рассмотрела его квартиру сидя на плечах отца. Дверь была открыта, в тот день дочка Порфирия забирала вещи. В руках у неё свёрток с ребёнком и старый чемодан. Выглядела она так, будто собирается сбежать тайком. А дед спал на кровати, под которой пылились гантели. На табурете стояла бутылка.

Алиса помнила, что в той квартире было очень светло. Много рамок с картинами под стеклом, они прямо слепили глаза радужными бликами, словно в комнате всё время шёл слепой дождь. Другие фрагменты памяти о дедке были столь однообразны, что воспоминаниями их было назвать тяжело. Оставалось только подмечать: несмотря на хромоту, он был здоровым — авоськи с ящиками клубники в квартиру только так и тягал.

Воскресный день мягко обнимал одеяло, которым мама накрыла её ночью. Она немного понежилась в тепле: ветер дул сквозь не заделанные к зиме щели, и воздух в комнате стоял прохладный и приятный. Нехотя она встала. Мама ещё спала в соседней комнате на своей половине двупальной кровати, укутанная в цветастый плед.

Алиса быстро поела борща. В холодильнике звенели бутылки полусладкого нераспечатанного и глядя на это Алиса легко выдохнула. Посмотрела на одинокую горбушку и решила сходить в магазин. Натянула свитер с джинсами, накинула на плечи джинсовку.

Во дворе было хорошо. Бабушки выглядывали с балконов точно вешенки с глазастых сосен. Сидя на холодной лавке, под шум листы она сняла лужицу, в ней отражается кусочек здания с листьями.

«Нелепость». — подумала она, как бы смеясь над желанием снимать такую банальность, как геометрические формы и смехотворность перифразы отражения с оригиналом в отсутствии поляризации.

Быстро купив две свежеиспечённые тандырские лепёшки, она расположилась на скамейке подле магазина. Вокруг собрались наглые голуби, топорщащие выкупанные в бензине пёрышки на шейках и грудках, их красные лапки семенили по окуркам, а пухленькие тельца, сравнимые с батонами, сталкивались под мягкое урканье.

— Ну нет, ребята, сами давайте, — сказала Алиса завидев их оранжевые глазки.

Птицы не спешили. Один особенно нахальный уселся рядом и уставился огромным глазом.

— Будешь прикармливать? — раздался голос из-за спины.

— Или просто дразнишь бедняков? — добавил тот же голос, с другой стороны.

Она повернула голову и увидела компанию. Говорили близнецы Тим и Том. Один, с лицом чуть более живым и насмешливым, хмыкнул и протянул руку для пожатия, при этом он как-то странно потянулся корпусом, будто собирался не руку пожать, а в щёку чмокнуть. Ну и тип, — подумала Алиса, а сама покраснела.

— Ни то, ни другое, — она улыбнулась уголком рта. — А что?

— Да так. Может, орнитолога-любителя в команду возьмём?

— А что, у нас в питушарне... — Алиса осеклась, почувствовав, как слово само выскочило. — Ой, простите, ради бога. В курятнике? Птичнике? Какое-то слово вылетело из головы.

— Да ладно, — махнул рукой первый близнец. — У нас просто проект. Идея была — дрессировать птиц.

— Я серьёзно ребёнок, прости, если задела за живое.

— Нам для искусства, — перебил её второй, с более тяжёлым взглядом. — Орнитолог нужен, чтобы птиц укрощать.

Алиса приподняла играючи бровь в стороне Тима.

— Вам, наверное, не орнитолог нужен, — осторожно сказала она.

— Ой, да хватит, ты же поняла, о чём речь, — вмешался Том. — Пошли с нами, нам вообще люди нужны.

— Погодите, — сказал Максим, которого Алиса до этого не заметила. Он был покрупнее, старый как папа Карло, с короткой стрижкой и острым, чуть хищным носом. — Не любого же подряд. Того, кто реально хочет и может быть полезен.

— А вдруг я уже хочу птиц укрощать, — спокойно ответила Алиса, — только не знаю где ваша мафия. Вы набросали название?

— Позвольте, — начал Том с напускной торжественностью. — Мы...

— Не придумали ещё название, — перебила его Лера.

Она стояла поодаль в широких штанах, топе и расстёгнутом пуховике, который держался на плечах, как белый плащ.

И вот уже к Алисе присоседилась компания, стиснувшая её по бокам, нависающая над головой, будто она оказалась в центре заворачивающейся стометровой волны, готовой обрушиться на берега далёкой Японии.

— Да разве важно, как оно называется? — выдал Макс, поправляя воротник.

Алиса сжала хлеб в руках. Чёрствые булки хрустнули под пальцами.

— Слушайте, — начала она, осторожно пододвигаясь к краю скамейки, — я, конечно, рада поболтать, но у меня...

— Искусство, — перебил её Том, — оно меняет жизни. Ты понимаешь? Не просто картинки на стенах. Оно перекраивает человека.

— Да, я в курсе, — вежливо сказала Алиса, пытаясь пристроить хлеб в пакет. — У меня вообще-то...

— Вот ты, например, — подхватил Максим, положив тяжёлую руку на спинку скамейки за её спиной, — ты же видишь мир иначе. Мы заметили. Ты не как все.

— Спасибо, конечно, но...

— А возьми любую великую личность, — продолжал Максим, не замечая её попыток вставить слово. — На них же всё искусство влияло. С детства. Формировало.

Близнецы одобрительно закивали. Один даже цокнул языком, будто поставил точку в споре.

— А назовёшь хоть пару исторических личностей, на которых искусство реально повлияло? — тихо, почти про себя, спросила Варя сидящая на краю лавки.

Её почти не было слышно. Вопрос затерялся в общем галдеже, Максим что-то доказывал близнецу справа, тот отмахивался, пока брат жевал подпечённый лук, сорванный с Алисиной лепёшки.

Но вопрос не затерялся в голове Алисы.

Она запомнила. И на секунду даже замерла, фокусируя взгляд на сегодняшнем образе Вари. Маленькая она, с заколкой в виде вишни на светлых волосах. Глаза красноватые, будто только что плакала или готова расплакаться в любую секунду, но глаза она отвела, её окликнул Максим.

— Ладно, — сказала Алиса, резко поднимаясь. — Спасибо за компанию, правда. Но, я собственно хотела отписаться, что сегодня не смогу обсуждать, дела есть.

Она уже сделала шаг, когда рука Тима, схватила её за пакет.

— Мы тебя подождём, — сказал он с усмешкой. — Ты не отвертисься.

— Будьте любезны, — ответила Алиса, мягко, но решительно выдёргивая пакет, — не вырывать последние хлеба.

Она развернулась и пошла быстрым шагом, пока компания не опомнилась. За спиной уже слышался смех — кто-то начал рассказывать шутку про мурзилку под исказившееся нетерпением лицо Леры, вынувшей из кармана алый берет, один близнец дразнил второго, Максим что-то доказывал про устройство мира, пока обитатели одного его не замечали.

Алиса выдохнула, только отойдя за угол дома.

«Всем людям нужны знакомые и друзья. Наверное, не потому, что с ними не скучно, и даже не из-за карьеры, и не из-за того, что человек — существо социальное. Просто нужно быть с кем-то. Сверять реакцию. Пробовать решения на чужом отклике. Наверное, для этого и нужны друзья. Или питомцы. Или, на худой конец, растения.»

Из всех обитателей космического зоопарка Алисы выделялся Тим. Он жил в её поле зрения отдельно от брата, маячившего на заднем плане, громко, липко, с непонятно почему бесящей шуткой про Сашу Грей, которую он повторял каждый раз, будто она была единственной комедийной жемчужиной в его скудном репертуаре.

«А Тим... Тим парит аистом над этим богом забытым болотом в центре Бишкека».

Алиса смотрела на него и видела тонкое, умное лицо. Лоб с ранними залысинами, делающими его похожим на философа-неудачника из кино. Тонкая переносица, прищуренные глаза, он всё время пытался сфокусироваться на чём-то интересном, а когда не мог найти это в окружающей действительности, то создавал сам. Ей хотелось, чтобы он назвал её Лисичкой — не Алисой.

«Хитро и ласково, в такт имени. А я бы в ответ назвала его просто Котиком. И не важно, что половина друзей звала его Тимоном, а вторая половина — Карандашом. В этом и была магия: в совпадении частой клички животных с полным именем, в этой игре, доступной только нам двоим. Котик и Лисичка. Хищники, гуляющие сами по себе, но встретившиеся в одной клетке космического-зоопарка».

Летом он пригласил её в «Россию», в старый кинотеатр, где попкорн пах подсолнечным маслом, а в фойе висели постеры нашумевших яиц судьбы. Они пошли на «Анабель». Алиса любила хорроры той особенной любовью, с какой любят старые кошмары: когда страшно, но ты сидишь в тёплом зале, и между тобой и экраном целая пропасть. Скримеры, тени, старая музыка тридцатых годов США, всё это щекотало нервы и трогало девичью душу. В этом, наверное, и была ошибка Тима.

Потому, что хоррор был не скучным. Не тем, где проклятая актёрская игра заставляет героев разговаривать шёпотом в пустых коридорах, а сюжет ведёт их к финалу, в котором они рискуют ничем. Нет, здесь было по-настоящему жутко: кукла с фарфоровым лицом, последствия полиомиелита, и напряжение перед ожидаемым чёртиком из табакерки. Алиса вжималась в кресло, сжимая подлокотники так, что побелели костяшки. Её правая рука лежала на подлокотнике, совершенно незащищенная, открытая ладонью вверх, как последний островок здравого смысла в море ужаса. Тим сидел справа. Его рука лежала в каких-то сантиметрах, Алиса чувствовала тепло, исходящее от его кожи, как от нагретого солнцем камня. Она ждала. Даже на секунду забыла про экран, Анабель, дурацкий скрип протеза, от которого вздрогнул весь зал. Она ждала, что он накроет её ладонь своей.

Но он не взял её за руку.

Просто сидел и смотрел прямо, как замороженный, на экран, где демон мужского пола вселялся в очередную девственную девушку. Его профиль в свете кинопроектора был острым и прекрасным, но рука осталась неподвижной. Может, он стеснялся. Может, думал, что момент, когда на экране убивают ребёнка, не подходящий. А может, ему просто было не страшно, и он не искал защиты. Этого Алиса не знала. Фильм кончился. Вспыхнул свет, жёлтый и безжалостный. И они вышли на улицу, в духоту августовского вечера, всё ещё держа дистанцию в проклятые фильмом сантиметры.

Эх, может, потом... Думала Алиса, глядя, как Тим поправляет волосы у виска. Может, на «Проклятии монахини». Или вообще на чём-то до жути скучном, вроде снятой местными режиссёрами драмы. Там бы он точно взял её за руку. Или она сама возьмёт.

У подъезда стоял мальчик. Высокий, дрыщавенький, как тростинка; лохматая голова напоминала одуванчик. Алиса сфотографировала его со спины и получилось так, будто он выныривает из расщелины между двумя цементными блоками на тротуаре. Росток всегда найдёт себе дорогу, подумала она. Этого парня она видела впервые. Она обошла его, открыла дверь и как бы случайно посмотрела в его сторону.

«Етижи-пассатижи. Уже день пожилых.»

«Пожаловал старый знакомый Зайцев. Уж забыла, всё-таки забыла мама сообщить. Из пышного и пушистого кролика он превратился в матёрого серого, жаль глаза не косые. А так сразу бы открыла сезон охоты на переростков. На шее у него висел советский «Зенит». Прощелыга.

Даже если захочет, то не откупится. Он её точно не узнал, хотя взгляд задержался заметно дольше положенного. Ну и поделом тебе, Зайцев.»

Алиса хлопнула дверью.

«Не буду тебя впускать, хоть ты тресни.»

Как вдруг она столкнулась с матерью в вафельном халате.

— Доброе утро. А там пришёл...

Но она не успела договорить. Алиса перебила:

— Кто пришёл, мама? Никто не пришёл. Никаких людей там нет. Ты только проснулась, жизнь лунатиков тяжела. Проходи обратно в квартиру, я хлеб для борща принесла.

Она протянула матери булку, старательно взяла её под талию и подтолкнула в сторону спасительно-оборонительной двери квартиры, где можно было бы отключить домофон и стерпеть натиск противника.

— Да что такое? — мама упиралась. — Может, Саша забыла, и уже поздно было. Ну не выкидывать же его за шкуру. Алиса, да погоди ты!

Алиса остановилась.

— Да я видеть его не могу, мам.

— Да что тебе стоит? Просто парень. Он уже и забыл тебя.

— Оказывается Я не забыла.

— Да к чёрту, — мама вздохнула. — Подумай...

— Да я лучше отдраю эту шхуну одна, чем с просоленной камбалой, как Зайцев.

— Ну ты знаешь... ну, — мама развела руками.

Дверь подъезда открылась. Дрожащая бабушка, улыбалась демонстрируя новый оттенок советской помады, обнаруженный за тумбочкой. Она, опираясь на поручни, вскарабкивалась по лестнице, пока на них смотрел Зайцев.

— А я зефир взял, — сказал он. — После работы закусить с чаем.

Алиса посмотрела на него по-дурачки — вытаращилась, как ненормальная.

«Боже, да что ж за напасть с этим Зайцевым?» — подумала она и с прищуром уставясь на мать, точно кобра или гадюка.

Мать отлипла от дочери, поправила халат и, расправив плечи, с подчёркнутой вежливостью произнесла:

— Заходи.

2.

Квартира дедушки приятно пахла тёплым, чуть сладковатым запахом дерева источаемым старыми шкафами, стулья с резными ножками и маленькими фоторамками на стенах. В ней было чисто, за исключением древесной стружки, прячущейся в углах.

На балконе, теснились деревянные фигурки с потрёпанной наждачной бумагой и банками, заполненными какой-то бардовой жидкостью, протянувшимися цепью до красного плинтуса. Алиса провела пальцем по спинке крошечного чебурашки.

— Зайцев, — сказала она тоном, не терпящим возражений, — ведро и тряпки там. Займись. Ты же у нас, кажется, пришёл помогать, а не баклуши бить?

Зайцев, заметно смущённый внезапной ролью прислуги, молча взял ведро и поплёлся в угол кухни. Алиса скрестила руки на груди, подождала, пока он скроется за поворотом коридора, и только тогда выдохнула. Она провернула этот манёвр специально: пока она будет активно, душевно и без пауз беседовать с дедом, Зайцев, во-первых, не посмеет подойти, во-вторых, не начнёт приставать с уборкой к ней самой, в-третьих, сгинет в недрах квартиры с ведром и тряпкой, что уже само по себе победа. А она будет сидеть и эмитировать деятельность. И даже, может быть, узнает что-то новое и особенно полезно, от своего идола.

Дед сидел в своём кресле, неустойчивом, круглом и скрипучем, пропахшем тем же, что и вся квартира, но угадывались вьёвшиеся нотки дешёвого курева. Увидев Алису, он оживился, закивал, заулыбался щербатым ртом.

— Можете показать, пожалуйста, свои фотографии? Вы знаменитый, — спросила Алиса, усаживаясь напротив и кладя локти на стол, покрытый клеёнкой. Скромность испарялась актёрской игрой. — я бы хотела поучиться у вас.

Дед хмыкнул. И начался разговор. Душевный. Полезный. Тот редкий вид разговора, где не надо притворяться и подбирать слова, потому что в нём достаточно соглашаться и качать головой.

— Я всегда этим занимался, — сказал дед, перебирая старые альбомы сухими, узловатыми пальцами. — Ещё когда в молодости. Всех жильцов фотографировал. Это была такая... ну, повинность, что ли. Но я любил. Вот, смотри.

Он вытащил из альбома фотографию. Алиса взяла её двумя пальцами, боясь сломать тонкий, пожелтевший край.

— Вот твоя «Малина».

Алиса взгляделась.

Папина зелёная «Малина». Мама, вспотевшая от жары, сидит на переднем сиденье, молодая, растерянная, с мокрыми прядями на лбу. Кажется, камера заглядывает через лобовое стекло: оно мутное, в бликах, и сквозь него мамино лицо даже через тучу времени кажется родным. А снаружи, у водительской двери, папина фигура. Он уже взялся за ручку и собирается открыть маме дверь, но камера поймала его в движении. Папа раздвоился на того, кто открывает дверь маме и закрывает собственную, а между ними плавная линия.

Алиса задержала дыхание.

— И где это было? — спросила она тихо.

— На во двор. Они ехали с узи. Ты ещё в животе была, — дед засмеялся, и смех его прозвучал как сухой треск деревянной погремушки.

— Не помню, — сказала Алиса. — Я же ещё не родилась.

— А фотография помнит, — дед пожал плечами. — Фотография всегда помнит то, что мы забыли.

Алиса положила снимок на стол, рядом с деревянными фигурками. Где-то в коридоре глухо звякнуло ведро.

«Хорошо. Пусть. Лишь бы не лез. Ещё успею на него накричать.»

Алиса смотрела на зелёную «Малину», на размытого отца за стеклом и чувствовала, как внутри неё медленно и тяжело поворачиваются жернова.

— Вот смотри, — дедушка повернул фотографию к свету, сощуренные глаза блеснули влагой. — Эта карточка, Алиса, она же про них всё рассказывает. Только надо уметь читать.

Алиса внутренне подобралась. Она уже знала, что сейчас начнётся.

— Вот твоя мать, — дед ткнул сухим пальцем в потное, растерянное лицо на сиденье. — Она ждёт. Видишь? Плечи сжаты, локти прижаты. Она согласилась с положением. А вот отец твой...

Ожидаемый разговор неожиданно для Алисы камнем упал на струны её души, она хотела спрятаться от какофонии звуков.

— Дедушка, а ты эти фигурки сам придумал? — перебила Алиса, кивнув на балкон. — Вон того медведя, например, рядом с чебурашкой. Он похож на того, из «Войны и мира», помнишь?

Дед посмотрел на неё тем спокойным, всевидящим взглядом старика, которого уже не проведёшь детскими уловками.

— Ты не перебивай, — мягко, но твёрдо сказал он. — Послушай. Отец твой — он за дверью. Он уже готов открыть, но ещё не открыл чужую. Это миг между. Понимаешь? Он уже не здесь, но ещё не там. Так и в жизни. Он всегда был в этом «между». Между желанием и действием. Между обещанием и исполнением. А вы с матерью внутри. Внутри машины, внутри ожидания. И ждёте вы разного, но в сущности одного.

— Дед, а откуда у тебя наждачка такая старая? — Алиса встала, подошла к балкону, взяла в руки. Разговор совсем ей не нравился. — Ей же сто лет. Она уже ничего не шлифует, только царапает.

— Ты слышишь меня? — дед не повышал голоса, но в тишине комнаты каждое слово звучало как удар языка в царь-колоколе. — Твой отец на этой фотографии, как призрак. Он

размыт, потому что не был до конца реальным. А вы с матерью чёткие. Потому что вы настоящие. А он всегда ускользал. Эта карточка, она же пророческая, Алиса.

Алиса замерла с наждачной бумагой в руке. Ей стало тошно от настырности деда что-то втереть ей своими шершавыми словами.

— А хочешь, я тебя сфотографирую? — спросила она бодро, но глаза уже выделили влагу. — Прямо сейчас. В этом кресле. У вас лицо очень фактурное.

Дед помолчал. Его серое лицо, в мелких морщинах, с усами, что торчали в стороны точь-в-точь как гусарские — оставалось непроницаемым. Он смотрел на неё долго, тяжело. Потом вздохнул и кивнул:

— Уходишь от разговора.

— Никуда я не уйду, — Алиса принялась перекладывать инструменты для резки с места на место. Стамески, резак, какой-то странный нож с полукруглым лезвием, всё это глухо стучалось о подоконник. — Просто зачем ворошить? Всё равно ничего не изменить.

— Изменить нельзя, — согласился дед. — Понять можно. Предсказать можно.

— Я всё давно поняла, — тихо сказала Алиса.

Она разглядела на дверцах тонкую, почти незаметную резьбу: переплетающиеся ветви, птичьи силуэты. Порфирий Александр Александрович, — мысленно прочитала она имя. Она взяла с балкона деревянных зверьков — медведя, зайца и чебурашку и поставила на полку. Теперь здесь уютнее. Теперь здесь порядок.

Некоторое время они молчали. Дед закрыл глаза, притворяясь, что дремлет. Алиса делала вид, что занята. Тишина стояла плотная, как стружка, успевшая склеиться за годы с плинтусами.

И тут она невольно обернулась в сторону коридора.

Зайцев сидел на корточках прямо посреди прихожей — колени торчали в стороны, как у переутомлённой лягушки. В руках он держал мокрую тряпку, и вытянув её перед собой, начал разгоняться. Зайцев отводил тряпку назад, замирал, а потом резко вёл её вперёд, проводя длинную, ровную полосу по полу. Полоса за полосой. Методично. Будто чертил.

Алиса заметила, что его рубашка в районе подмышек разорвалась, ткань не выдержала усердия. Из дырок выглядывала серая майка и волосы. Это выглядело так нелепо, так по-дурацки, что Алиса не сдержалась. Короткий, сдавленный смешок вырвался наружу случайно. Зайцев его не услышал. Он продолжал надраивать пол, не поднимая головы.

Алиса прикусила губу и отвернулась.

«Пусть моет. Меньше вопросов».

Она снова взяла с полки деревянного чебурашку, провела пальцем по сломанному уху.

«Интересно, а о чём эта фигурка могла бы рассказать, если бы умела говорить? О пейзажах? О апельсинах из Израиля?» — Алиса улыбнулась.

Дед Порфирий перевёл взгляд на крючок в прихожей, где сиротливо висел старенький фотоаппарат.

— Это твоё? — спросил он, кивнув на камеру.

Алиса замялась. Помолчала. Потом сказала, чуть отводя глаза:

— Потенциально.

Она неловко переступила с ноги на ногу, теребила край рукава. А потом, будто украдкой, будто признавалась в чём-то постыдном, выдохнула:

— Дедушка... я хочу у тебя научиться. Фотографировать. По-настоящему.

Дед посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Усы его шевельнулись.

— Ну что ж, — сказал он просто. — Давай попробуем.

И начался урок. Дедушка показывал на её мыльнице, как держать камеру, как ловить свет, как ждать того самого мига, когда всё встанет на свои места. Но Алиса не успевала запоминать. Уж какой из деда был хороший резчик и фотограф, такой же плохой из него вышел и учитель.

Он говорил быстро, перескакивал с одного на другое, иногда замолкал на полуслове, уходя в свои глубокие пространные мысли. Алиса оставалась одна с техниками мастера, которые ничего ей не говорили о искусстве кадра ни в четыре года, ни спустя двенадцать спустя.

Она сделала несколько снимков. Фигурки на полке вышли плоскими, будто их придавила гора самомнения. Пейзаж за окном смазанными масляными набросками на хлебе. Дед в кресле с неестественно вытянутыми пропорциями, вызывал чувство зловещей долины.

— Хм, — дед вздохнул, почесал затылок. — Наверное, современная электроника — это не совсем то, чего ты хочешь. И не совсем то, на что способна. Наверное, у тебя лучше получится с классикой.

Алиса насупилась, когда он улыбнулся и протянул ей взятые из кармана расплавленные барбариски. Она уже открыла рот, чтобы съязвить, но вовремя одумалась. Вместо этого она молча вышла в прихожую и вернулась со фотоаппаратом. Настоящим раритетом. «Зенитом» Зайцева.

Дед оживился. Глаза его заблестели по-мальчишески.

— А это уже дело, — сказал он и начал объяснять. Как проецируется на плёнку. Как ловить резкость вручную. Как чувствовать выдержку нутром.

Алиса слушала, затаив дыхание. Вот это было её. Это — живое, тяжёлое, настоящее. Не пиксели и автоматическая настройка. Только вечность и нефть.

— ...а главное, все чинно, культурно, — Зайцев вполз в комнату, в одной руке держа ведро, с которого на паркет капала мутная вода, в другой тряпка. Сзади, на спине, темнела полоса пота, уподобившаяся реке Амазонке.

Алиса замерла. Он встал прямо посреди ковра.

— Нет, вы не представляете, — Зайцев шмыгнул носом и переложил тряпку из руки в руку, будто перекладывал ответственность за свои слова. — У нас там клуб фотографов. Я там, это... занимаюсь.

Пауза. Капля с тряпки упала на ковёр, Алиса была готова взорваться.

— Чем занимаетесь-то? — спросил дед.

— Ну, творчеством. Фотографией, — Зайцев оживился, прижал тряпку к груди, словно та была фотоаппаратом. — Я, знаете, очень люблю фотографии. Они такие... — он на секунду завис, подбирая слово и затараторил, — ...бумажные. И на них изображение, это искусство, я всегда говорю: фотография, это душа, особенно если снимать с умом, вот я, например, люблю снимать людей, животных иногда, если они не бегают, а в клубе нас учат композиции, чтобы кадр не разваливался. И объективы показывают. Там такие... круглые. Я очень-очень сильно люблю фотографии. Прямо всей душой.

«Он это произнёс с такой серьёзностью, будто только что открыл Америку, а Америка оказалась размером с его ведро».

Алиса молчала. Зайцев выкатывал под ноги свои художественные принципы и это её застало врасплох. Как если бы мусорка у «Народного» вдруг запела арию.

«Бумажные, Господи, прости. Душа, говоришь. Круглые объективы. И это в комнате, где ещё не выветрился запах проявителя Порфирий, где на стене висят его снимки, а в воздухе всё ещё дрожит эхо выставок в Барселоне?»

— Это... здорово, Зайцев, — сказал дед. — Вы главное не останавливайтесь.

— А я и не остановлюсь! — обрадовался он. — Я, может, скоро выставку свою сделаю. Вот закончу с коридором, и сразу за видеоискатель. У меня уже и название есть.

— Какое?

— «Мир глазами Зайцева». А вы посмотрите, Александр Александрович, — затараторил Зайцев, доставая из кармана маленькую папочку с фотографиями, — вот я тут снял на прошлой неделе, вот здесь свет, а здесь композиция...

Алиса посмотрела через плечо. Фотографии были лучше. Чётче. Продуманнее. И свет, и тени, и линии, всё на своих местах.

«Проклятый Зайцев, хочет отобрать у меня и эту радость. Хочет разбить желание. Гад».

Она тут же под села к деду поближе, почти вплотную. Положила руку ему на плечо, заглянула в глаза с подчёркнутой нежностью:

— Дедушка, я правда хочу заниматься именно у тебя. Ни у кого больше.

Дед погладил седые усы и вздохнул всем телом. Он не ожидал такого приятного ажиотажа.

— Алиса, — сказал он тихо, — я скоро уезжаю. К дочери. На неопределённый срок. Так что... не сподручно мне будет, сама понимаешь.

Она замерла. Потом медленно кивнула.

А дед повернулся к Зайцеву. Посмотрел на него прищурившись, будто примерялся, как к деревянной болванке перед резьбой.

— Что-ж, — сказал он. — Если ты так хочешь. Есть у меня оборудование. Будете приходить с Зайцевым. Вдвоём. Заниматься.

Он наклонился, выдвинул ящик тумбочки, достал блестящий дубликат ключа от входной двери — холодный, новенький, оскорбительно блестящий, и протянул его Зайцеву. Тот взял, растерянно моргая, и сунул в карман. Ключ звякнул о что-то металлическое.

«Весело так звякнул. Празднично».

Алиса улыбнулась. Широко. Приветливо. Даже зубы показала.

— Спасибо, дедушка, — сказала она ровным голосом. — Я пойду, пожалуй.

Она попрощалась с дедом, а его узловатые пальцы оттопырили карманы её джинс и насыпали барбарисок. Попрощалась с Зайцевым, у которого в кармане позвякивали ключи, не сказав ему ни слова. Повернулась и вышла.

Внутри всё кипело.

«Значит, конец. Новой возможности — конец. Хорошо, что мать не видит лица сейчас. Потому что улыбка давно сползла с лицом, оставив голый череп пропитанный горечью пустых глазниц.»

За кухонным столом дома, Алиса, рассеянно наблюдая за тем, как вязнет в зубах зефир. Нежная сахарная пудра таяла на языке, оставляя приторное послевкусие, а сама сладость предательски прилипала к нёбу, требуя усилий. Это навязчивое, липкое ощущение идеально совпадало с тем чувством неловкости, которое заполнило кухню с приходом Зайцева.

Зайцев, неловкий и очень прямой в своей юношеской угловатости, сидел напротив. Его спина была неестественно выпрямлена, словно он держал экзамен, а не пил чай в гостях у дальней родни. Он явно пытался нащупать нить разговора с Алисой, ловил её взгляд, но та, увлеченная борьбой с зефиром, старательно уходила в глухую оборону. Ей было проще сделать вид, что устройство нёба интересует её куда больше, чем старый знакомый.

— Алис, а ты... — начинал он, и его голос тут же предательски ломался, срываясь на полуслове.

Мама Алисы, с чуть рассеянной улыбкой хозяйки, мгновенно подхватывала эстафету, спасая ситуацию от падения в пропасть молчания.

— Саш, ты лучше расскажи, как у тебя дела в школе идут? — мягко, но настойчиво спросила она, подливая ему чай с мятой. — Учебный год только начался, а ты, я смотрю, совсем взрослый стал.

— Да нормально, тётъ Яна, — пожал плечами Зайцев, и его большие хищные глаза на мгновение блеснули. — В одиннадцатый перешел. В вашей школе кстати. Загрузили, конечно, по полной. Физика эта...

Алиса, услышав про «одиннадцатый», чуть не поперхнулась.

«Одиннадцатый! Интересно, в какой именно? "А" или "Б"? В "Б" вечно одни хулиганы, а этот... он на хулигана не тянет».

Она судорожно отхлебнула остывшего чая, чтобы скрыть внезапный интерес, и зефир в её зубах жалобно скрипнул.

Дальше случилось неизбежное. Зайцев, словно только и ждал пароля, заговорил о своем главном увлечении. Его голос перестал дрожать, он ожил, глаза загорелись тем самым фанатичным огоньком, который бывает только у влюбленных в свое дело людей.

— А вообще, тётя Яна, я ведь теперь в фотостудию записался, — он даже немного подался вперед, забыв про чай. — Это не просто «на кнопку нажимать», это целая наука! Свет, композиция... Я сейчас изучаю, как проявлять пленку. Это же магия! Сидишь в полной темноте, красный фонарь, запах реактивов, а потом из ниоткуда, на белом листе, проступает изображение. Момент истины!

«Начинается!» — с ужасом подумала Алиса, чувствуя, как мама, преподаватель художественной гимнастики и ценитель всего прекрасного, медленно, но верно заглывает наживку.

— Ма-ам! — громко и очень невпопад протянула она, пытаясь перекрыть воодушевленный рассказ о диафрагме и выдержке. — А помнишь, ты хотела в субботу ехать за какими-то невысказанными фиалками на другой конец города? Так вот, я посмотрела прогноз погоды! Там ливень стеной обещают! Мы промокнем, простудимся, а фиалки эти твои сгниют на корню! Давай лучше дома останемся и будем смотреть какое-нибудь старое кино, а?

Яна Сергеевна даже головы не повернула. Она лишь на секунду накрыла своей теплой ладонью руку дочери, мягко, но властно пригвоздив её к столу, и продолжала смотреть на Зайцева с неподдельным интересом, полностью игнорируя информационный шум.

— Это невероятно, Сашенька, — проворковала она, игнорируя трагический монолог о сгнивших фиалках. — И какие же сюжеты тебя привлекают больше всего? Пейзажи? Или, быть может, портреты?

Алиса, натолкнувшись на эту стену непробиваемого материнского любопытства, растерянно замолчала. Она перевела взгляд на Зайцева и с удивлением обнаружила, что он тоже растерян. Он замер с полуоткрытым ртом, переводя недоуменный взгляд с непробиваемой матери на притихшую дочь, давая понять, что неиссякаемый ресурс его знания полностью исчерпан провинциальными бедуинами с физического факультета. Повисла неловкая пауза. В этой внезапной тишине особенно громко стало слышно, как за окном переругиваются воробы.

— Ну... портреты, — выдавил он наконец, и его прежний энтузиазм утих, оставив только смущение.

Беседа угасла. Они еще долго сидели втроем на пропитанной ароматами мяты кухне. Алиса механически топила зефир в пиале, Зайцев изучал узор на скатерти, и только мама, казалось, чувствовала себя в этой тишине комфортно, загадочно улыбаясь своим мыслям.

Наконец, Зайцев засобиравшись домой. Провожали до двери всем составом.

Зайцев натягивал кеды. Алиса стояла в проёме, прислонившись плечом к косяку, и мысленно торопила этот процесс.

«Ну же, давай, зашнуровывайся и исчезай, пока твоя «душа» и «бумажные фотографии» окончательно не пропитали собой коридор.»

— А вы совсем налегке перебрались? — спросила мама, — Даже мебели толком не привезли?

— А, да мы ж с отцом только самое нужное взяли, — Зайцев наконец справился с правым кедом и выпрямился, чуть запыхавшись. — Два чемодана. И носки. А всё остальное там осталось.

— В Томске?

— Ну да. Отец сказал: хватит. Пора обратно. Там, говорит, холодно, а тут... — он обвёл рукой воздух, будто хотел обнять им весь Кыргызстан. — Тут тепло. Он же родом из Оша. И теперь вот, как бумеранг, обратно.

— Бумеранг... — эхом повторила мама, зачем-то кивая. — Это да.

— Ну, мы с отцом так решили, — продолжал Зайцев, уже взявшись за дверную ручку. — Там, в России, всё равно перспектив нет. А тут... климат. И клуб фотографов...

Алиса чуть не фыркнула вслух.

«Клуб фотографов. Ну конечно. Последний гвоздь в крышку гроба терпения.»

— А ты сам-то хотел? — не удержалась она. Вопрос вырвался резко, как щелчок затвора.

Зайцев обернулся, удивлённо моргая.

— Чего хотел?

— Переезжать. Сюда. В Кыргызстан.

Он задумался на секунду, смешно нахмурив брови, будто решал сложную математическую задачу.

— Ну, отец сказал надо. А я чё? Я с ним. Мы ж семья. Куда он, туда и я. Он у меня один.

«Семья... Просто кивнул и поехал, найдя превосходную отговорку, достойную девятнадцатилетнего пацана».

Мама снова закивала, с той же ничего не выражающей улыбкой.

— Это очень благородно, Зайцев. Семья — это главное.

— Ага. Семья — это главное, — эхом повторил он, открывая дверь. — Ну, я пойду. Спасибо за чай. И за беседу

Дверь за ним захлопнулась. Алиса, повинувшись безотчетному порыву, скользнула к окну. Смотреть, как он уходит. Она увидела, как он сбежал с крыльца и вдруг остановился, весь подобрavшись. Навстречу ему от старой липы отделилась девичья фигурка. Лера. Они перебросились парой слов, и Зайцев, кивнув в такт, пошел рядом с ней. Они двинулись в низ по улице, их плечи почти соприкасались.

Алиса отошла от окна, ощущая внутри тянущую пустоту. Она смотрела, как её мама убирает со стола, и в голове вдруг всплыл обрывок их давнего разговора, сказанного словно невзначай.

Семья Зайцевых. Родственники. Почти призраки для Алисы и её матери.

Мать Саши — родная мамина сестра. Тихая и болезненная тётя Вера, которая существовала в альбоме с потрёпанной бархатной обложкой, который мама доставала раз в год, в день её смерти. Алиса помнила эти снимки: молодая женщина с мамиными глазами, но будто бы размытыми по краям, как если бы её уже тогда, при жизни, накрывала дымка. Тётя Вера умерла во время родов. Оставив вместо себя кричащий свёрток и мужа, основательно убитого горем, готового присыпаться с ней землёй.

И вот этот свёрток вырос. Превратился в Зайцева, живое эхо крови, сиротливую ветвь фамильного древа, кривую, нескладная, но упрямо тянущуюся к солнцу.

Алису накрыло горьким послевкусием липкого зефира. Спустя большой промежуток времени она решила написать Лере:

Алиса: Так вот куда пропал Саша, в шкафу держала?

Лера: Ты следишь. Где сейчас?

Алиса: В смысле? Высоко сижу- далеко гляжу.

Алиса: Дома я. Видела как ты с братом под ручку идёшь)) украла и с котами подвальными держала, то-то ни весточки за 12 лет

Лера: Только не кипятись! Ему стыдно, что он не общался с тобой. Реально стыдно. Но он дурак и не может признать, вот и ходит кругами.

Лера: Узнал, что ты там помогаешь, и специально пришёл, у мамы моей отпросился. Это его кривой способ наладить контакт.

Алиса: Глупо.

Лера: Глупо. Но дай шанс, а?

Алиса: Совет, да любовь)))

Лера: Алиса!!!

Алиса: да ладно, гуляйте и озирайтесь))) разберусь)

В Алисе закипала ненависть, она закрыла дверь в комнату и прижалась лбом к холодной стене. Внутри неё что-то искрило. Короткое замыкание. Пробой.

В окно бил всё тот же влажный ветер, но теперь он не казался парусом. Он был просто сквозняком, от которого мёрзли щиколотки.

«Он дал ему ключ».

Казалось бы, можно было просто нажать воображаемую клавишу, отправить обиду в кар-тотеку. «Зайцев. Версия 2.0. Инцидент с ключом». Положить на полочку. Отряхнуть руки. Но нет.

«Он дал ключ ему».

Алиса смотрела на свои ладони. Они были пусты. Она представила себе этот ключ во всех деталях: холодный, новенький, без единой царапины, ещё пахнущий заводской смазкой и древесной стружкой из комнаты, где дед Порфирий выпиливал своих деревянных уродцев. Ключ лежал сейчас в кармане Зайцева и грелся от тепла его тела.

«Мерзость».

Ей казалось, что она слышит будущий разговор. Два голоса, женских, мягких, обволакивающих.

Голос первый, материнский, с лёгкой хрипотцой от утреннего кофе: «Алис, ну ты же умная девочка. Саша — это семья. Единственная ниточка к тёте Вере. Ты же понимаешь, что держаться за старую обиду — это как коллекционировать битое стекло?». Мать скажет это и коснётся её плеча тёплой ладонью, и будет в этой ладони столько непрощённой заботы, что Алису затошнит.

Голос второй, Лерин, настойчивый, с придыханием заговорщицы: «Подруга, ну включи голову. Ты ему нравишься. Он же из-за тебя пришёл, пойми. А ты ведёшь себя как Снежная Королева на минималках. Дай ему шанс. Парень старается. Посмотри, как он смотрит на тебя своими этими... глазами». Лера скажет это и закатит глаза, изображая вселенскую мудрость, а сама будет прятать в складках алого берета своё, непонятное Алисе, выражение лица.

«Да что вы все сговорились? — Алиса сжала край покрывала так, что побелели костяшки. — Почему я должна принимать то, что мне активно пытаются навязать? Будто я — музейная витрина, и каждый может поставить в неё свою вазочку с надписью: "Семейные ценности" или "Новая любовь"».

«Им легко говорить. Лере, которую не бросал друг на двенадцать лет с обидой, не желающий связаться. Маме, которая сама годами пряталась от правды за дымом сигарет и пустой третьей тарелкой. Они не понимают главного: Зайцев не просто сломал «Зенит». Он украл время, кадр. Жука на одуванчике. Бессмертие. И теперь, спустя двенадцать лет, он снова пришёл, чтобы украсть. Не кадр — так ключ. Не ключ — так деда Порфирия, моего личного мамонта из музейного запасника, мой единственный шанс прикоснуться к вечности с запахом нефти. Он влез в двор, в мой подъезд, в мою мечту, и даже не заметил этого. Сидел на корточках, мыл пол, и капли с его тряпки падали на паркет, как маленькие наглые метки территории.»

«Нет никакого шанса».

Алиса встала и подошла к столу. Там, под лампой, лежал её фотоаппарат.

«Маленькая, пластиковая, жалкая. Камера для снимков, которые никогда не станут искусством.»

Её отражение в дисплее было тёмным и решительным. Она уже знала, что сделает.

«Ключи. Они лежат у него в куртке.»

Она не чувствовала угрызений совести. ЭВМ в голове обработала запрос и выдала решение: похищение не является кражей, если ты возвращаешь предмет на его законное место. А законное место этого ключа — в её руке. В её двери. В её будущем. Зайцев — ошибка системы, баг, который нужно удалить. И мать с Лерой, эти два адвоката розовых соплей, могут сколько угодно говорить о «втором шансе» и «голосе крови». У крови нет голоса. У крови есть только запах химических реактивов из фотолаборатории ДНК, в которую посторонним вход воспрещён.

Завтра она пойдёт в школу и сделает это. А сегодня она просто ляжет спать, с слуховой галлюцинацией уходящих в даль шагов.

День третий

1.

Понедельник встретил Алису ливнем, размывшим очертания домов и перекрывавшим видимость почти до нуля. Мир за пределами пары шагов превращался в акварельный этюд, написанный сплошь серыми, размокшими мазками. В такую погоду собственные мысли кажутся неприлично тихими, и всю дорогу до школы Алиса прокручивала в голове единственный, пульсирующий в такт сердцу план.

В школьном холле, пропитанном запахом сотни мокрых курток, её взгляд сразу выхватил Зайцева. Вернее, не его самого, а его куртку. Она висела на нём небрежно, расстёгнутая, открывая миру карманы в них Алиса и собиралась искать ключи от квартиры деда. Она почувствовала невероятную уверенность в том, что заберёт ключи. Поэтому она следила за ним, от кабинета к которому тот оставил куртку, до двери в которой проходили его уроки.

Сама судьба, подыгрывала ей. Класс, где их поток оставлял верхнюю одежду, был сегодня в расписании для урока физики у Алисы. Едва осознав это совпадение, она превратилась в сжатую пружину. Всё утро она не слушала учителей, её взгляд был прикован к часовой стрелке, которая ползла с издевательской медлительностью. Удобнее всего было то, что физика стояла сразу после большой перемены.

И когда прозвенел звонок, возвещающий о двадцати минутах свободы, Алиса сорвалась с места. Быстрый, почти летящий шаг пронёс её по ещё пустым коридорам к заветной двери. В классе, к счастью, ещё никого не было. Тишина звенела в ушах, нарушаемая дробью дождя по подоконнику и её сердцебиением. Она скользнула внутрь и, на мгновение замерев, прикрыла за собой дверь.

Разум её лихорадочно работал, выстраивая линию обороны. Если кто-то войдёт, а кто-то непременно войдёт, у неё уже готова легенда. Она встанет лицом к маленькому мутному зеркалу на стене и будет старательно поправлять волосы, и делать вид, будто её единственная забота — это выбившаяся из хвоста прядь. Никто не заподозрит.

Её руки дрожали, отзываясь пульсацией в самых кончиках пальцев. Глаза же, напротив, горели сухим, лихорадочным блеском. Она принялась перебирать карманы куртки Зайцева.

Призрачная надежда вела её. «Боже, да что со мной такое, — произнесла она в голове, и мысль эта была горьким хинином. — Я живу надеждой. Жалкое зрелище». Она уже жалела, что затеяла это унижительное, липкое от страха предприятие. Внутри росло отчаянное желание: пусть бы ключей там не оказалось. Вот бы сейчас нащупать лишь пустоту, смятую фольгу от жвачки, крошки — что угодно, только не их. Тогда она смогла бы просто выдохнуть, закрыть эту дверь и игнорировать Зайцева дальше. Как и...

Пальцы сомкнулись на холодном металле.

Она нашла их. Связка ключей лежала на её раскрытой ладони — связка с необходимым, запомненным ею ключом держалась на стальной спирали. Алиса замерла, замороженная этим зрелищем. Она смотрела на них, словно сорока, что не в силах отвести взгляд от тусклого блеска металла. Мир вокруг сузился до размеров этого маленького, неумолимо вещественного

доказательства её падения. Она не успела сгруппироваться, не успела ни спрятать добычу, ни придать лицу беззаботное выражение, ни даже просто вдохнуть.

В проёме двери в лаборантскую, словно в картинной раме, стояла Лера. С зонта скатывались тяжёлые, хрустальные капли и разбиваясь о линолеум, а взгляд спокойный, внимательный, чуть насмешливый, уже скользил по застывшей Алисе, по её рукам, спрятанным за спиной в неестественном, выдающем себя с головой, изломе.

— О, Алиса, — протянула Лера, переступая порог и аккуратно прислоняя зонт к косяку. Голос её звучал мягко, почти интимно, словно они были здесь не одни в пустом классе, а сидели в уютной кофейне. — А я как раз хотела тебя поймать. Мы говорили... Ты так и не ответила тогда. Ну, насчёт «весёлых картинок». Мы собираемся, хотим взять кофе и пойти на заброшку. Будет душевно. Ну так что, ты надумала?

Алиса почувствовала, как к щекам приливает жар, предательский и неконтролируемый. Связка чужих ключей впивалась в ладонь, словно раскалённая печать, уличающая её в преступлении. Она открыла рот, чтобы ответить, но вместо связной речи оттуда вырвалось лишь какое-то жалкое, скомканное междометие.

— Я... ну, понимаешь... я ещё не совсем... Там ведь эта контрольная по алгебре на носу, я даже не знаю, как у меня со временем... — её голос звучал фальшиво и тонко, как натянутая и готовая лопнуть струна. Слова рассыпались, не желая складываться во внятное предложение.

Лера слушала, склонив голову набок, но её взгляд, острый и пронизательный, уже не был прикован к лицу Алисы. Он неумолимо сползал ниже, туда, где застыли в противоестественном напряжении плечи, туда, где руки были спрятаны за спиной в позе, которая кричала о сокрытии громче любого признания.

— Алиса, — голос Леры перестал быть светским, он приобрёл иную тональность, тихую и серьёзную, — что ты там прячешь? Что ты делаешь?

Вопрос прозвучал приговором. Алиса замерла, чувствуя уход земли из-под ног. А затем, то ли от отчаяния, то ли от какого-то внезапного, мутного вдохновения, рождённого паникой, — она наворотила ужасную глупость, что сама себе удивилась. Пальцы её разжались, и связка, звякнув, повисла в воздухе между ними.

— Я... Зайцеву, — выпалила она, и слова полились сами, торопливые и нелепые в своей интимной подробности. — Ключи. От домофона. Я принесла ему. Ну, от моей квартиры то есть. Чтобы он мог заходить, когда захочет позаниматься. Ну, фотографией там... или просто... когда меня нет. Чтобы ему удобно было. И мне удобно. Нам. В общем...

Алиса сама не верила в то, что произнесла.

«Я только что на глазах у всего мира вручила Зайцеву символический ключ от своего дома, от своего личного пространства, от своей жизни — и всё ради того, чтобы скрыть мимолётную кражу. Господи, какая же я дура».

Лера, не принявшись допрашивать, посмотрела на Алису долгим, странно тёплым взглядом, а затем её губы тронула грустная улыбка.

— Знаешь, Алиса... — начала Лера тихо, почти шёпотом, словно доверяя ей тайну, не предназначенную для чужих ушей. — Я знаю. Про тебя и Зайцева. Про то, что там у вас произошло. Ну... или не произошло. Трудно ему, понимаешь? Зайцеву этому. Он не умеет — вот просто не умеет делать эти первые шаги. Он как... как диафрагма на его дурацком фотоаппарате. То слишком закрыт, то слишком открыт, и чтобы настроить резкость нужен кто-то рядом, кто не побоится покрутить кольцо. Я понимаю, почему ты ему не доверяешь. Правда, понимаю. Это страшно, подпускать близко. Но...

Она сделала крошечную паузу, и глаза её вдруг стали не по годам взрослыми, словно за серой пеленой дождя за окном она видела что-то, недоступное обычному зрению.

— Но я всегда чувствовала, что в тебе есть это... особенное прощение. То, чего в мире сейчас катастрофически мало. Понимаешь? Ты снаружи кремень. Ты так круто даёшь от ворот

поворот, что любой нормальный человек отлетает, даже не успев обидеться. Я видела, как ты это делаешь. Это сильно. Но внутри... внутри ты умеешь прощать. А это и есть самое главное в человеке. Особенно когда речь о родных.

Алиса стояла, боясь пошевелиться. Пальцы её, скрытые за спиной, жили своей, отдельной жизнью. Медленно, осторожно, повинаясь наитию, она перебирала связку, нащупывая ключ от квартиры деда, тяжёлый, с бороздками, похожий, как две капли воды, на ключ от её собственной квартиры. Благо, они были одинаковыми. Её личный ключ скользнул в кольцо, заменяя дедов, а с ним и запасной ключ от домофона, который она по рассеянности вечно таскала в кармане юбки. Теперь её ложь становилась правдой. По крайней мере, вещественной.

— У меня есть брат, — продолжила Лера, и голос её дрогнул. — Мы с ним... в общем, всё сложно. Он старше, он должен был быть... не знаю, опорой, что ли. А получилось так, что мы как два поезда на параллельных путях. Едем на встречу друг-другу и не способны не только столкнуться, но и промахнуться. Я пыталась, правда пыталась... — Она вдруг осеклась, мотнула головой, отгоняя непрощенные мысли, и закончила фразой, которая прозвучала почти жестоко в своей бескомпромиссной правде: — Любовь родных братьев и сестёр, она бесценна. И лучше её не просирать. Поверь мне. Я знаю, о чём говорю.

Она выдохнула, словно сбросила невидимый груз, и вдруг улыбнулась, на этот раз светло и открыто.

— Ладно, урок сейчас начнётся. Рада была поговорить. Ты подумай всё-таки. Мы тебя всегда ждём, знай это. Всегда.

И с этими словами она взяла зонт, оставив на линолеуме мокрый след, похожий на запятую, и выскользнула за дверь, оставив Алису одну.

Класс постепенно наполнялся людьми, голоса множились, сливаясь в привычный школьный гул, а Алиса всё стояла у вешалок, приходя в себя. Она рассеянно повесила на крючок чью-то сбившуюся олимпийку и направилась к своей парте.

В ушах ещё звучали слова Леры — «лучше не просирать» — тяжёлые, как свинец. Мысли её переставлялись шахматными фигурами, при помощи невидимой руки на бесконечной доске в случайных, но отчего-то осмысленных комбинациях. Конь ходил буквой «Г», пересекая границы клеток, слон скользил по диагонали, а где-то на краю доски, в тени, ферзь — самая сильная фигура — стоял и повинаясь ждал.

Эти странные, рассеянные образы смешивались с формулами, которые Александра Александровна выводила мелом. «Сила Лоренца равна произведению заряда на векторное произведение скорости и магнитной индукции...» — доносилось откуда-то издалека, и ей вдруг представилось, что она сама — заряженная частица, летящая в магнитном поле. Какая-то неведомая сила, чья-то левая рука, направляет её движение, мягко, но неумолимо закручивая траекторию в спираль. А спираль, если смотреть на неё сверху, иронично окажется замкнутым кругом.

Но это не круг, подумала Алиса, машинально вычерчивая в тетради виток за витком. Это путь. Просто он идёт не по прямой. И, может быть, именно это и правильно.

После урока, когда класс опустел, а меловая пыль ещё танцевала в косых лучах света, пробившихся сквозь тучи, Александра Александровна задержала Алису у своего стола. Физичка поправила очки, и стёкла их на мгновение блеснули, скрыв выражение глаз.

— Алиса, задержись на минутку. Разговор есть.

Алиса покорно остановилась, перекидывая ремень сумки с одного плеча на другое. Она догадывалась, о чём пойдёт речь.

— Ты уже думала о поступлении? — начала учительница, и голос её звучал настойчиво. — Какие предметы планируешь сдавать?

Алиса знала, что Александра Александровна хочет услышать, и, как это ни удивительно, их желания в этом вопросе совпадали. Словно две прямые, проведённые из разных точек, вдруг сошлись той самой, где математика встречалась с физикой.

— Физику, профильную математику и русский, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я уже начала готовиться. Потихоньку.

Александра Александровна удовлетворённо кивнула и по её губам скользнула тень улыбки.

— Это хорошо. Это правильно. Пойдём, по дороге договорим.

Они вышли в коридор, Александра Александровна говорила, а Алиса слушала, и в этом размеренном движении по длинному школьному коридору было что-то гипнотическое, почти ритуальное.

— Олимпиады, Алиса. Это не просто строчка в портфолио. Это реальная возможность поступить с повышенной стипендией. Понимаешь? Стипендия — это свобода. Это когда ты не считаешь копейки, не ждёшь переводов от мамы. Ты просто учишься и занимаешься тем, чем хочешь. А для этого нужно только одно — стараться. Не «через не могу», не до нервного срыва, а ровно столько, сколько ты можешь. Сколько можешь — столько и старайся. Поняла?

Она остановилась у развилки коридоров, где их пути расходились — физичке налево, в учительскую, а Алисе вперёд, к лестнице.

— Поняла, — кивнула Алиса, чувствуя, как внутри что-то сжалось и одновременно расправилось, словно лёгкие на морозном воздухе.

— Вот и умница. Дерзай.

Они разошлись.

На улице дождь наконец выдохся, оставив после себя лишь взволнованные, дрожащие лужи, в которых купалось внезапно выглянувшее солнце. Солнечные зайчики — настоящие, живые, не те, что носят фамилию и ходят в одиннадцатый класс, — выпрыгивали из водяных зеркал и бегали по красно-коричневым кронам, по мокрому асфальту, по стенам домов, и весь мир сделался зыбким, переливчатым, словно отражённым в мыльном пузыре.

Алиса шла медленно, подставляя лицо этим робким, случайным лучам, и пыталась заглянуть вперёд. Туда, за поворот, где должно было находиться её возможное будущее. Она примеряла его на себя, как примеряют чужое пальто, осторожно, с сомнением, не уверенная, идёт ли фасон.

Сначала — экзамены. Стопка учебников на столе, ночные бдения над задачами, дрожащая рука, выводящая формулы на разлинованном бланке. Это она могла представить. Это было осязаемо.

Потом — фотография. Не просто как хобби, а как деятельность. Тёмная комната с красным фонарём, запах проявителя, белые листы, на которых медленно, словно воспоминания, проступают чьи-то лица. Она будет возиться с композицией, спорить о светотени, ловить ускользающие моменты.

Потом — учёба в университете. Просторные аудитории, густонаселённые чужими амбициями, коридоры, по которым она будет ходить уже не девочкой, а кем-то, у кого есть цель. Лекции, проекты, бессонные ночи перед сессией и дедлайнами, которые обязательно будут гореть.

Потом — поездки к маме. Два раза в год. Сначала это казалось почти преступлением — всего два раза, но потом она поняла, что так бывает у всех, кто уезжает. Приезжаешь на Новый год и летом, а в промежутках только редкие звонки и фотографии в мессенджере под дробью отрывков сообщений. Мама будет стареть между этими приездами, и Алиса будет замечать это рывками: новая морщинка здесь, седой волос там, усталость в голосе.

А дальше?

Дальше зияла пустота. Она пыталась заглянуть за этот горизонт, напрягала воображение, но картинка рассыпалась, становилась плоской и ненастоящей, как декорация в американском школьном спектакле. Какие бы каски она мысленно ни надевала на свою будущую голову, какие бы халаты ни примеряла, какие бы бланки для расчётов ни подсовывала себе в руки — всё

это было не содержательно. Пусто. Театрально. Она представляла себя то инженером, то лаборантом, то кем-то ещё, но все эти образы были словно украдены Уэсом Андерсоном из чужих жизней с мёртвой музейной красотой.

Она терпеть не могла Уэса Андерсона.

В его фильмах всё было выверено до миллиметра: каждый предмет лежал на своём месте, каждый кадр был безупречен. Но именно в этой безупречности Алисе чудилась какая-то глубокая, неисправимая фальшь. Люди там двигались как заводные куклы, события происходили не потому, что должны были, а потому, что так легло в композицию. И её собственное будущее сейчас выглядело точно так же: идеально выстроенная мизансцена, в которой, впрочем, как и в любом фильме, не хватало жизни.

Она остановилась у перекрёстка, глядя, как солнечный зайчик мечется по луже, не в силах вырваться за её пределы. И вдруг ей пришло в голову, что, возможно, она просто боится. Боится признаться себе, что не хочет ничего из того, что можно уместить в бланки и расчёты. Что ей нужно что-то другое — чему пока нет названия, что нельзя потрогать руками, но что, возможно, уже существует где-то между Юпитером и Марсом. Например, в том, как свет падает на землю монстр перерисовывающий нательную карту. Или в том, как фотография, проступающая в темноте, вдруг обретает смысл, которой в неё не закладывали.

Она тряхнула головой, отгоняя наваждение, и зашагала дальше. До дома оставалось два квартала, в кармане юбки, лежал чужой ключ.

2.

Алиса случайно встретила Варю, та стояла в стороне от переливающейся смехом компании. Она ёжилась под порывами ветра, обхватив себя руками за плечи, и взгляд её был рассеянным, обращённым куда-то внутрь себя.

Алиса, не раздумывая, помахала — широко, стараясь привлечь внимание. Варя встрепнулась, узнала её, и подошла маленькой горной овечкой.

Для Вари Алиса была кем-то вроде старшей сестры. Она знала Алису практически всю свою жизнь, а это для тихой, замкнутой девочки с вечно испуганными глазами было равносильно абсолютному доверию. Алиса была константой.

— Привет, — Алиса подошла ближе и, наклонившись, заглянула Вале в лицо с девчоночьим интересом, который всегда появлялся у неё в присутствии этой маленькой молчуньи. — Ты чего одна? И где твоя шумная свита?

Варя беззащитно пожала плечами, Алисе на мгновение стало совестно.

— Да так... Они там обсуждают фильмы по комиксам, а мне не очень интересно, — пробормотала Варя, косясь в сторону Леры, которая заразительно смеялась. Рядом с ней, чуть поодаль, стоял Зайцев, у Алисы внутри всё неприятно дёрнулось.

— Понятно, — протянула она, беря Варю под руку с нарочитой, почти сестринской нежностью. — Ну, тогда давай пройдемся? Мне как раз нужно кое-куда зайти, составишь компанию?

Глаза Вари благодарно блеснули. Она кивнула, и они вдвоём, отделившись от школьной суеты, медленно побрели в сторону старых дворов, где асфальт сменялся потрескавшейся плиткой, а шум машин стихал, уступая место тихому перешёптыванию оголяющихся ветвей.

Алиса умела быть тёплой. С Варей это получалось у неё как-то само собой — возможно, потому что та была маленьким, хрупким сосудиком, в который тепло нужно было вливать осторожно, по капле, чтобы не расплескать. Она улыбалась, шутила, рассказывала какие-то забавные пустяки из школьной жизни, приправленные изрядным количеством выдумок, и Варя постепенно оттаивала, её плечи перестали быть напряжёнными, а в голосе появились живые, звонкие нотки. Она смеялась над шутками Алисы, сначала робко, потом всё более открыто.

Но под теплотой, в глубине Алисы уже пророс от пальцев ног до кончиков волос, другой интерес. Аккуратно прощупывая почву, она начала заводить разговор в нужное русло.

— А Лера, я смотрю, у нас теперь за главную? — спросила она как бы невзначай, разглядывая витрину закрытого киоска. — С ней весело, наверно?

— Да, она классная, — оживилась Варя, и в её голосе послышалось что-то похожее на обожание. — Она всё время что-то придумывает. И все к ней тянутся. Даже мальчики.

— Мальчики? — Алиса приподняла бровь, стараясь, чтобы это прозвучало беззаботно. — Какие именно мальчики? Максим, что ли?

— Ну, Максим, это само собой, они с Лерой очень хорошо дружат, — Варя доверчиво кинула на наживку, и Алиса внутренне напряглась, чувствуя, что сейчас будет самое важное. — А ещё Зайцев.

— Зайцев? — переспросила она, и это прозвучало почти равнодушно. — А он-то что, тоже в нашей компании будет?

— Ну да, — Варя, казалось, была рада поделиться информацией, не подозревая, что каждое её слово падает на благодатную, жадную почву. — Он с Лерой... ну, они вроде как вместе. Ходят везде вдвоём. Я не знаю, может, встречаются. Лера про него много говорит, она говорит, что он талантливый очень, только странный немного. Она его понимает, говорит, что у него душа тонкая, а все остальные просто не замечают.

Алиса слушала и чувствовала поднимающийся в горле ком. Встречаются. Лера и Зайцев. Какое ей, собственно, дело? Зачем она вообще вытягивает из бедной Вари эти подробности, разве нет чего-то поинтереснее? От осознания собственной мелочности ей стало противно до скрежета зубного. Но тёмное и цепкое не позволяло остановиться. Она продолжала подыгрывать рассказу Вари, до момента где можно избрать новую тему разговора.

— Слушай, — Варя оторвалась от телефона и уставилась в потолок, будто там, на побелке, был написан ответ на все вопросы мироздания. — А тебе не кажется, что вся эта линия с Иешуа и прокуратором — она вообще самая сильная в «Мастере и Маргарите»?

Алиса кивнула, хотя читала по диагонали, так как часть с Иешуа была ужасно занудной.

— Конечно, — сказала она, отпивая чай. — Это вообще, можно сказать, сердце романа. Без неё бы всё рассыпалось.

— Вот и я о чём! — Варя оживилась, поджала под себя ногу и подалась вперёд, как заговорщица. — Особенно момент, когда они вдвоём остаются. Ну, Иешуа и прокуратор. Ночью. На балконе. И этот их разговор... Помнишь?

Алиса на секунду зависла. Балкон? Ночью? В её смутных представлениях Иешуа и Понтий Пилат в основном ходили по каким-то пыльным площадям, и никаких балконов там точно не было. Но Варя говорила с такой убеждённостью, что Алиса решила: возможно, она просто пропустила эту сцену.

— Ну да, — осторожно сказала она. — Балкон. Классика.

— Вот! — Варя подняла указательный палец. — И там Пилат ему говорит: «Ты понимаешь, что я могу тебя отпустить? Прямо сейчас. Вот ключ от камеры. Вот плащ, чтобы никто не узнал. Беги». А Иешуа сидит такой, босой, ноги поджал, и молчит. А потом берёт этот ключ, вертит в руках и говорит: «А зачем мне бежать, если истина уже здесь?»

Алиса замедлилась. Что-то в этом сюжете было не так. Какая-то деталь царапала, но Варя продолжала с таким апломбом, что сомнения отступили.

— И прокуратор, — подхватила Алиса, решив, что лучшая защита — это нападение, — он же в этот момент понимает, что проиграл. Не Иешуа проиграл, а он сам. Потому что ключ — это не свобода, а проверка. И Иешуа эту проверку проходит. Он же специально не берёт плащ.

— Именно! — Варя чуть не подпрыгнула. — Он говорит: «Оставь себе свой плащ, прокуратор. Мне не холодно. Меня греет вера». А у Пилата в этот момент, помнишь, мигрень начинается? Прямо адская. Он за голову хватается, а Иешуа к нему подходит и вот так, — Варя вытянула руку, изображая жест, — касается его виска. И говорит: «Проходит?» А Пилат смотрит на него ошалело и шепчет: «Проходит...»

Алиса уже не слушала. Она была на балконе и видела лунный свет на мраморном полу, босые ноги Иешуа, его спокойное лицо, пальцы, сжимающие ключ — старый, кованый и потёртый. Видела Понтия Пилата в развевающемся плаще, с каплями пота на лбу, с этой его вечной мигренью, которая отступала только от одного прикосновения.

— А потом, — продолжила она, чувствуя, как её несёт, — они сидят вдвоём до рассвета. И Пилат спрашивает: «Что есть истина?» А Иешуа отвечает: «То, что ты сейчас чувствуешь. Вот это. Тепло моей руки. И больше ничего». И Пилат плачет. Впервые за двадцать лет службы. Плачет, как мальчишка.

Варя замерла с открытым ртом. В её глазах читалось восхищение пополам с ужасом.

— Да-да-да! — зашептала она. — И утром, когда стражники приходят за Иешуа, Пилат стоит у окна и делает вид, что смотрит на город. А на самом деле он просто не может повернуться. Потому что если повернётся — то не выдержит. Прикажет всех отпустить. И Иешуа это понимает. Поэтому уходит молча. Даже не прощается. Только кладёт ключ на подоконник. И всё.

Они замолчали.

— Слушай, — сказала она изменившимся голосом. — Алис.

Они посмотрели друг на друга. Варя прикусила губу. Алиса почувствовала, как уголки рта предательски ползут вверх. Ещё секунда — и Варя фыркнула, прижав ладонь ко рту, будто пыталась удержать смех внутри. Не получилось. Смех вырвался, за ним — второй, третий, и вот они уже хохотали в голос, сгибаясь пополам.

— Ладно, — улыбнулась она и легонько подтолкнула Варю плечом. — Пойдём лучше по дворам. Мне нужно кое-куда заскочить, а ты мне поможешь.

Они свернули в лабиринт старых дворов, где время текло медленнее, а дома помнили ещё те времена, когда небо было ближе. Алиса шла и мысленно прокручивала в голове план, который созрел у неё за последние несколько минут. Ключи, что лежали сейчас в кармане, нужно было срочно дублировать, а оригинал, словно ничего и не было подложить обратно Зайцеву. Чтобы никто ничего не заподозрил. И сделать это нужно было быстро.

— Слушай, Варь, — сказала она, замедляя шаг. — Тут за углом, в старом грузовом контейнере, дед-сапожник сидит. Знаешь, такой смешной, вечно ворчит, но дело своё знает. Он ещё ключи дублирует. Мне как раз нужно. Зайдём?

Варя послушно кивнула, и они направились к ржавому контейнеру, притулившемуся на углу двора, словно забытый кем-то огромный спичечный коробок. Над его дверью висела покосившаяся вывеска «Ремонт обуви. Изготовление ключей», а изнутри доносился мерный стук молотка. Алиса толкнула дверь, звякнул колокольчик, возвещая об их прибытии. Из полумрака на них глянуло морщинистое лицо.

— Саламатсызбы байке, — сказала Алиса, уже вынимая из кармана связку. — Мне нужно сделать дубликат. Срочно.

Она сжала ключи в ладони, и ей вдруг почудилось, что она стоит не в камерке сапожника, пропахшей кожей и металлической стружкой, а на какой-то невидимой развилке, на которой непонятно куда идти и стало быть всё равно где ты окажешься.

Из камерки сапожника они вышли, щурясь от внезапно яркого света. В ладони Алисы приятно оттягивал карман новенький, только что выточенный дубликат, ещё тёплый от станка. Оригинал она аккуратно переложила в другое отделение, мысленно прикидывая, когда и как сможет вернуть его Зайцеву. Но мысли эти были мимолётными, словно мошкара над вечерней лужей, — сейчас её занимало другое.

В соседнем магазине они купили по мороженому и сидели на низком бетонном ограждении, Варя с довольным видом уплетала пломбир, слизывая белые капли с пальцев, и была абсолютно счастлива просто от того, что сидит здесь.

Идиллию разрушил Том. Он нарисовался словно из ниоткуда — вывернул из-за угла с руками в карманах и раскачивающейся на плече барсеткой, и направился прямо к ним. Алиса нахмурилась, он был без брата, с которым они раньше ходили неразлучной парой.

— Привет, девчонки, — протянул он, останавливаясь напротив. Улыбка у него была какая-то неестественная, приклеенная, словно он репетировал её перед зеркалом. — Алиса, можно тебя на минутку?

Алиса переглянулась с Варей. Та пожала плечами — мол, сама решай. И Алиса решила.

— Не, — отрезала она холодно, даже не поворачивая головы в его сторону. — Мы заняты.

— Э, я вообще-то серьёзно...

— Она тоже серьёзно, — подхватила Варя, неожиданно осмелев от присутствия Алисы, и это прозвучало так неожиданно дерзко, что Алиса чуть не поперхнулась мороженым. — Иди куда шёл.

Том постоял ещё секунду, переводя взгляд с одной на другую, потом хмыкнул, дёрнул плечом и, так ничего и не сказав, удалился обратно за угол, откуда пришёл. Вид у него был донельзя глупый.

— Вот же прилипчивый тип, — фыркнула Алиса, провожая его взглядом. — И что ему надо?

Варя вдруг замялась. Она опустила глаза и принялась ковырять ложечкой подтаявшие остатки мороженого. Было видно, что она хочет что-то сказать, но не решается — слова застревают в горле, не желая покидать его без боя.

— Ну? — подтолкнула её Алиса. — Говори уже. Что ты такое знаешь?

— Я слышала... — начала Варя тихо, всё ещё не поднимая глаз. — В раздевалке, пару дней назад. Том спорил с парнями. Они думали, что никого нет, а я.. я просто сидела за дверью на скамейке, они меня не видели. В общем, Том поспорил, что он... ну... сможет за неделю с тобой подружиться. И сделать своей девушкой.

Алиса медленно опустила стаканчик с мороженым. На лице её отразилась такая сложная гамма чувств от брезгливого изумления до искреннего веселья. Варя подняла глаза и неуверенно улыбнулась.

— Девушкой? — переспросила Алиса, и вдруг расхохоталась звонко, запрокинув голову. — Меня? За неделю? Да он хотя бы имя моё выучил для начала? Или так и будет называть «эй, кызда»?

Варя захихикала, а где-то глубоко внутри Алисы шевельнулось усталое любопытство.

«Значит, вот как это работает. На неё заключают пари. Ставки, сроки, условия. Что дальше? Похищение у школьной столовой?»

— Ладно, — отсмеявшись, она поднялась и отряхнула юбку. — Пусть попотеет. Бедный мальчик. Неделя у него. А потом что? Проиграет и пойдёт искать другую дурочку?

— Наверное, — кивнула Варя, всё ещё улыбаясь. — Но ты же не дурочка.

— Вот именно, — Алиса вдруг посмотрела на Варю серьёзно, почти строго. — И ты не дурочка. Запомни это. А теперь. Мне пора домой. Но давай как-нибудь ещё погуляем? Позвони мне на неделе, договоримся.

Варя сияла. Она смотрела на Алису снизу-вверх, и в этом взгляде было столько благодарности и тихого обожания, что Алисе на мгновение стало совестно. Они попрощались, и каждая пошла в свою сторону.

Солнце клонилось к закату, и лужи на асфальте окрасились в розовато-золотистые тона. Алиса шагала домой, и ключи в её кармане мерно позвякивали в такт шагам, отсчитывая время до важного, пока ещё скрытого за горизонтом события.

Дома её встретил полумрак прихожей и запах куриного бульона. Мама снова готовила. Из кухни доносилось ритмичное постукивание ножа о разделочную доску и негромкое бормотание, мама обсуждала с кем-то по телефону рецепт.

Алиса сбросила кеды и уже хотела пройти в комнату, как вдруг споткнулась о большой пакет, стоявший у двери. Из него, словно живые, вывалились снаряды для художественной гимнастики — обруч, скакалка, мяч, лента. Они рассыпались по полу переливаясь в тусклом свете лампочки глянцевыми боками. Эти снаряды никогда не покрывались пылью, сколько бы ни лежали без дела. Алиса, вздохнув, собрала их и аккуратно повесила на дверную ручку.

«Когда-то она занималась гимнастикой. Когда-то — в прошлой, почти забытой жизни».

— Алиса? — донеслось из кухни.

— Я, мам.

Она вошла. На плите томился куриный суп с паутинкой. Мама стояла над кастрюлей и осторожно, почти любовно переливала в тарелку бульон с кружочками моркови, вырезанными в форме ромашек.

Алиса села за стол, машинально взяла ложку и принялась водить ею по поверхности супа в своей тарелке. Жёлтые жировые кружки, переливающиеся перламутром, разбегались от ложки, но она терпеливо, с медитативной настойчивостью собирала их в одну большую, дрожущую лужицу. Кружок к кружку. Капля к капле.

— Ты какая-то тихая сегодня, — заметила мама, не оборачиваясь. — В школе всё нормально?

— Нормально, — ответила Алиса, и ключи в кармане юбки тихо звякнули, напоминая о себе.

— Просто думаю.

— О чём?

Алиса посмотрела на морковную ромашку и вдруг подумала, что жизнь, наверное, тоже похожа на этот суп. В нём плавают какие-то кружочки, какие-то ниточки, что-то оседает на дно, что-то всплывает на поверхность.

— О разном, — сказала она и, поднеся ложку ко рту, осторожно подула на горячее.

Мама, помешивая суп, вдруг заговорила тем особенным, будничным тоном.

— Кстати, Алис, я же тебе не сказала. Сегодня Саша звонила. Предложила дополнительные занятия у неё дома, после уроков. Будете с Сашей вместе заниматься. Я подумала и согласилась — тебе ведь это полезно будет. Лера, она сказала, тоже не против. Иногда будете вдвоём приходить, иногда по одному. Ничего?

Алиса на секунду замерла с ложкой на полпути ко рту.

«Саша. Зайцев. За одним столом. Физика. Полезно.»

Слова эти, такие простые и невинные по отдельности, складывались в ментальный СПИД. Но мама смотрела на неё спокойно, даже не подозревая, какой вихрь пронёсся сейчас в голове дочери, и Алиса, справившись с собой, лишь пожала плечами.

— Хорошо, мам. Я согласна. Это правда полезно, олимпиада на носу, сама знаешь.

Мама удовлетворённо кивнула и снова повернулась к плите. Алиса доела суп, тщательно собирая последние вермишелины, потом поднялась из-за стола. Она подошла к матери со спины и глядя в окно, где догорал сереневый вечер, обхватила её за плечи, прижалась щекой к макушке, вдыхая смесь кухни с шампунем и поцеловала в тёплые, чуть влажные от пара волосы.

— Спасибо за суп. Очень вкусно.

Мама накрыла её ладони своими и чуть сжала. Потом Алиса выпрямилась и ушла в свою комнату.

Тихо и сумрачно. Она зажгла настольную лампу и села за стол, но учебник не открыла. Вместо этого Алиса откинулась на спинку стула и запрокинула голову назад, до лёгкого, приятного головокружения. Над ней распростёрся натяжной потолок, глубокий и фиолетовый, как вечернее небо перед грозой. В его лакированной поверхности, чуть размытое расстоянием,

отражалось её собственное лицо. Она смотрела на себя сверху вниз или снизу-вверх? — и не могла понять, кто на кого смотрит: она на своё отражение или отражение на неё.

Где-то в глубине фиолетового зеркала, застыла девочка с чужим братом-фотографом, который скоро будет сидеть рядом с ней и решать задачи по физике.

— Ну и что теперь? — тихо спросила она у своего отражения. Отражение молчало, чуть заметно колыхнувшись — может, от сквозняка, а может, от её собственного дыхания. — Ладно. Посмотрим.

Она выпрямилась, тряхнула головой и, решительно отодвинув в сторону покоившийся учебник по литературе, достала из ящика стола задачник по физике.

«Если уж Зайцев будет сидеть рядом, то пусть видит, что я готова ко всему. Даже к тому, к чему, возможно, совсем не готова.»

Чуть потупив Алиса отодвинула задачник в сторону, формулы не лезли в голову, расползались чёрными тараканами. Вместо этого она достала из нижнего ящика стола старую шахматную доску — подарок деда, покрытый лаком, местами потрескавшимся, как дно пересохшего озера. Расставила фигуры, но играть самой с собой было скучно. Тогда она взяла чёрного коня и принялась двигать его от края к краю, закручивая траекторию, словно водоворот.

Фигурка скатывалась по чёрно-белым клеткам давя противников, бесконечно, монотонно, и в этом движении было что-то завораживающее. Алиса вообще-то больше любила шашки — за их честную простоту, любая пешка, добравшаяся до края, становится дамкой и получает право ходить, как угодно.

«Жизнь с реальным *tábula gása*, а не игра в левую справедливость».

Но сегодня думы её — тягучие, вязкие, как расплавленная карамель, — увели в шахматы. В мир, где у каждой фигуры своя роль, свои ограничения, своя судьба.

«Тяжёлые фигуры ладья или ферзь слишком прямолинейны. Они рассекают доску, как нож масло, проходят сквозь поле боя сметая всё на своём пути. Но именно поэтому они и уязвимы: их легко вычислить, легко подставить, легко загнать в ловушку. Они моментально вылетают с доски, стоит лишь зазеваться. Алиса не чувствовала себя ладьёй. Слишком много шума, слишком мало гибкости.

Тогда кто же я? Лёгкая фигура — это точно. Но конь или слон? Вот конь — он хитёр. Он переходит с белого на чёрное, меняет цвет с каждым ходом, перепрыгивает через любые преграды, через чужие головы, через спины врагов и союзников. Он непредсказуем. Сегодня он здесь, а завтра — там, и никто не знает, откуда ждать удара. Я не конь, не лошадь, не лошарик.

Я — слон. Всегда идущий наискосок. Всегда на одном цвете. Белопольный слон ходит только по белым клеткам, чёрнопольный — только по чёрным, и они никогда не пересекаются, никогда не встречаются. Вот и я — словно обречена двигаться по одному семейству диагоналей, вынуждена видеть и думать мир только с одного угла зрения, не в силах сменить траекторию».

Это было похоже на приговор, и Алиса, поморщившись, отодвинула фигурку в сторону.

Рассуждать коварными метафорами у неё не получалось. Ведьмы не поддавались.

«Может быть жизнь человека вообще не сравнивается с шахматной фигурой, хотя и её направляет чья-то рука, движимая собственными амбициями. И если думать примитивно, тогда кто же он? Может заря?. Жизнь одного человека похожа на заряд в электромагнитном поле, в пространстве, наполненном другими зарядами. Одни отталкивают, другие притягивают, третьи вообще не замечают твоего существования, но всё равно искажают силовые линии вокруг тебя. И результирующий вектор — стрелка, которая образуется из суммы всех этих отталкиваний и притяжений, — и есть человеческий путь. Не траектория, а равнодействующая множества многих, в том числе и внутренних величин. Можно рассчитать её по формуле, как на физике. Можно даже предсказать — если знать все исходные данные. Вот только исходных данных всегда не хватает».

Она тряхнула головой, отгоняя наваждение, и потянулась к стопке учебников. Пальцы наугад выхватили одну из книг — потрёпанный томик в мягкой обложке. Она открыла на случайной странице и пробежала глазами верхнюю строчку. «Максим».

Максим Горький. Алексей Максимович Пешков. Алиса скривилась так, словно выжила на язык лимон. Она не любила его. Даже ненавидела устоявшейся ненавистью, не имевшей ни малейшего отношения к его творчеству. Буревестник революции, основоположник соцреализма, певец босяков — всё это было тут ни при чём. Корни её неприязни уходили глубоко в детство, в какую-то мутную, полузабытую историю, связанную с дедом и томиком «Матери», который тот швырнул в стену. Но это было давно и неважно. Важно было другое: Горького нужно было сдавать.

И потому без души она выписывала в толстую разлинованную тетрадь образы: Данко с его вырванным сердцем, освещающим путь во тьме. Ларра, обречённый на вечное одиночество за свою гордыню — пародия на сверхчеловека, жалкая и страшная одновременно. Пародия на Толстого в «На дне» — велеречивый странник Лука с его утешительной ложью. И через запятую, словно пункты в канцелярском отчёте, — темы: смысл жизни, любовь, свобода. Слова, которые под пером Горького становились лозунгами, а под пером Алисы — просто строчками в тетради, которые нужно запомнить, чтобы потом, на экзамене, без запинки выдать и забыть.

Телефон завибрировал, прервав её механическую работу. Экран вспыхнул уведомлением из весёлых картинок. Алиса нахмурилась и открыла чат. Внутри кипела жизнь — десятки непрочитанных сообщений, стикеры и бесконечные тройные скобочки.

Ниже Лера прикрепила картинку — коллаж из старых советских открыток с персонажами детских журналов, а рядом, словно подписи к музейным экспонатам, — имена членов их компании. Максим был представлен большеголовым Гурвинеком — чешским мальчиком-марионеткой с выпадающими из орбит глазами и вечно открытым в немом крике ртом. Тим и Том — Карандашом и Самоделкиным, двумя неразлучными волшебниками из «Весёлых картинок», и это было до того в точку, что Алиса фыркнула. Варя — какого-то чёрта — Чебурашка. Маленькая, потерянная, вечно не в своей тарелке. Лера, по своему бывшему местопребыванию в журнале, — Мурзилка, рыжий и вездесущий. А Алиса...

Алиса — Петрушка. Балаганный шут, кривляка, балабол с колпаком на голове. Она смотрела на эту картинку и не знала, обижаться ей или смеяться.

«С одной стороны — что за чушь? С другой — может, они и правы? Я и есть Петрушка, образ русского разгильдяйства и алкоголизма».

Телефон разрывался. Сообщения сыпались одно за другим перебивая друг друга, договариваясь, споря, смеясь. Назначали время и место встречи. Лера писала капслоком, Максим вставлял свои дурацкие шутки, Варя робко уточняла детали, и даже Тим с Томом, кажется, отметились парой сообщений, хотя отличить их друг от друга в чате было невозможно.

Алиса долго смотрела на экран. Мигающий курсор в строке ввода словно подмигивал ей, приглашая присоединиться. И она — Петрушка, слон, заряд в чужом поле — набрала короткое: «Хорошо. Я приду. Супер». И, помедлив секунду, добавила смеющийся смайлик.

«Петрушка так Петрушка. Не самая плохая роль в балагане».

Не успела Алиса отложить телефон, как он снова завибрировал — на этот раз настойчиво, требовательно, словно требуя немедленного внимания. Экран вспыхнул уведомлением за уведомлением. Том. Он атаковал личку чередой коротких, рубленых сообщений, каждое из которых прилетало быстрее, чем она успевала прочитать предыдущее.

«Привет» «Как дела?» «Чё делаешь?» «Слушай» «А ты придёшь?» «Я просто спросил» «Ну чё ты молчишь?» «Алиса» «Ау» «Ты же онлайн» «Я вижу» «Ок»

Алиса смотрела на этот словесный поток, в груди у неё медленно закипала смесь досады, неловкости и противная искорка любопытства. Она вспомнила слова Вари: «Том поспорил, что за неделю сделает тебя своей девушкой». Внезапная, лихорадочная настойчивость.

Жар в груди усилился. Он был липким и болезненным. Алиса смахивала сообщения с экрана, оставляя их висеть непрочитанными.

«Пусть помучается и увидит две серые галочки. Это жестоко, но, положи руку на сердце, не более жестоко, чем делать...»

Однако мысли её сейчас занимал вовсе не Том. Гораздо больше Алису интересовала другая фигура из «весёлых картинок» — Гурвинек-Максим. Что она вообще знала о нём? Только то, что он вечно крутится рядом с Лерой, наставляет, балагурит, организует встречи-посиделки, какие-то дурацкие групповые чаты с не менее дурацкими названиями. Он казался фигурой без прошлого. Но Алиса чувала: за этим балагурством что-то кроется.

Интернет был щедр. Фотографии с мероприятий без названия. Отметки на мёртвых страницах. Размытые снимки в чьих-то сторис. Алиса перебирала эти цифровые осколки, пытаясь сложить из них целостную картину.

И постепенно её фон прояснялся.

Максим Максимович оказался фигурой куда более заметной. Давно окончивший технический-университет, никогда не работал по специальности, крутился в около культурных тусовках, пахнувших не то меценатством, не то муниципальным пиаром. Молодёжные фестивали, городские конкурсы, форумы инициативной молодёжи, он подавал гранты один за другим, осваивая молодёжь. На фотографиях он выглядел именно так, как должен выглядеть человек его положения: неброский костюм, улыбка, рукопожатие — крепкое.

И глядя на эти фотографии, Алиса увидела будущее Максима. Вот он, Гурвинек, большеголовый весельчак с выпадающими из орбит глазами, пока ещё молодой, смешной, свой в доску. Но пройдёт десять лет, и он начнёт лысеть, полнеть, вращаться в бесконечную череду грантов и отчётов. И станет не менее нелепым, чем его папаша, над которым он часто посмеивается. Не смешно нелепым, а грустно, над кем усмеваются в кулак, когда он отворачивается.

Алиса откинулась на стуле и вдруг поймала себя на мысли, что ей немного жаль Максима. Не сейчас — сейчас он был просто смешным парнем с дурацким ником. А того, будущего Максима, который ещё не знает, кем ему предстоит стать. Или знает, но не подаёт виду. Кто их разберёт, этих Гурвинек-Максимов.

Телефон снова пиликнул — очередное сообщение от Тома. Она, не глядя, смахнула его в сторону.

«Хватит сегодня чужих амбиций».

День третий

1.

Утром Алиса сидела за столом, поджав ноги по-турецки, и изучала устройство фотоаппарата. Диафрагма. Выдержка. Светочувствительность. Композиция кадра, правило третей, золотое сечение. Термины пересыпались из гиперссылок пустынными барханами.

Через час теории ей стало тесно в четырёх стенах, её распирало от энтузиазма понажимать премудрых кнопок старого фотоаппарата, выстраивающих интересную кинематическую схему до необходимого действия. Она поднялась, пересекла лестничную клетку и оглянувшись вставила ключ в замочную скважину квартиры Порфирия. Замок поддался с тихим, почти покорным щелчком.

В квартире деда было тихо. Ватная тишина в безжизненном помещении давила на слух. Воздух стоял спёртый, неподвижный, пахнувший пылью, старыми книгами, сладкими барбарисками и некоторой подкисшей вонью, что Алиса не сразу смогла опознать. Она прошла вглубь, и запах усилился. Источник нашёлся быстро: холодильник Бирюса, который второпях дед забыл закрыть. Внутри, за не плотно закрытой дверцей, успело образоваться целое болото из тонущих в сером льду продуктов. Запах был тошнотворный, липкий, он оседал на языке и не желал выветриваться, несмотря на приоткрытую Алисой форточку в кухне. Зажав нос рукавом, она быстро захлопнула дверцу обратно. Пусть пока так. С этим она ничего поделать не могла.

Она встала на место у окна, где, по её предположениям, дед каждое утро делал зарядку. На подоконнике, стояла батарея бутылок с водой. Что-то тянуло её дальше. Смутное, ещё не оформившееся в слова желание, указало ей на шкаф с вырезанными ветками. Чувство не подвило, на полках спрятанными за дверцами, теснились сотни разноцветных альбомов. Она села на пол и принялась осматривать альбом в коленкоровом переплёте, с тиснёным годом на обложке — почти её ровесник. Алиса открыла его и принялась листать. Страницы были заполнены фотографиями. Чёрно-белые, цветные, выцветшие от времени — дед, фотографировал много и с ненасытной, почти маниакальной жадностью. Но по мере того, как она переворачивала страницу за страницей, её начинало охватывать тревожное чувство. Альбом постепенно перешёл к одному типу постановки, камера у кона, дерево, идущая из дома Алиса.

Она пролистала далее каждый альбом и снова везде обнаруживала себя.

Алиса держала многолетний труд деда, чувствуя, как пальцы леденеют. Страница за страницей — она росла, не подозревая, что на неё смотрит объектив.

Резкий звук разорвал тишину. Кто-то пытался открыть входную дверь.

Алиса замерла. Сердце ударило в грудную клетку с такой силой, что в глазах потемнело. Ключ в замке. Чужой ключ. Чья-то рука дёрнула дверную ручку, пока Алиса сидела на полу, не в силах пошевелиться, и слушала, как металл скребётся о металл — неуверенно, сбивчиво, словно тот, кто стоял по ту сторону, тоже нервничал.

От неожиданности её собственная рука дёрнулась, и задела стоящий на полу стакан с мутной, бордовой водой. Стакан опрокинулся на раскрытый альбом. Тёмная жидкость растеклась по страницам, впитываясь в бумагу, заливая её спину, размывая контур, превращая фотографии в грязные, бесформенные пятна.

— Чёрт, чёрт, чёрт! — зашептала Алиса, хватая альбом и пытаясь стряхнуть с него влагу.

Она действовала лихорадочно, но старалась производить как можно меньше шума. Стянула с себя кофту, оставшись в одной футболке, и принялась промокать страницы тканью — осторожно, боясь медлить. Сердце колотилось в горле. Руки дрожали. Она слышала, как по ту сторону двери кто-то ворочает ключом — снова и снова, безуспешно, с нарастающим раздражением. Замок не поддавался.

Алиса только поняла, что это Зайцев.

Она замерла, прижимая к груди испорченный альбом, и слушала. Шаги за дверью стихали, раздавались снова, пока окончательно не удалились. Кажется, он ушёл. Или сделал вид, что ушёл. Алиса не знала. Она сидела на полу комнаты, среди чужих альбомов, с мокрыми руками думала о том, что дед, оказывается, смотрел на неё всё это время, пока она боялась к нему подойти.

Как только звук шагов за дверью стих, растворившись в гулкой тишине подъезда, Алиса сорвалась с места. Она влетела в ванную комнату, едва не поскользнувшись на кафеле, и, включив воду на полный напор, принялась лихорадочно оттирать фотографии. Пальцы её дрожали, дыхание сбивалось.

При свете красной лампы она тёрла и тёрла, но бумага не хотела отдавать впитавшуюся влагу, она покрывалась чёрной, отталкивающего оттенка корочкой, словно старая рана. Вода разносила пигмент, заполняя разворот грязными разводами. Алиса в отчаянии отбросила кофту и уставилась на уродливый результат своих трудов.

Мысли её заматались, как вспугнутые птицы.

«Что делать? Дед поймёт мгновенно, что в его архиве, в его лично выстроенном мире кто-то рылся. А Зайцев — Зайцев может понять, что я подменила ключ, если он...»

В её голове взвыла сирена, оглушительная, как при воздушной тревоге. Она вернула альбом на место, вытерла кофтой капельки краски с пола и бросила её под ванную. Ключ от её квартиры лежал сейчас в кармане Зайцева, — это единственное, что имело значение.

«Если он догадается применить его к двери, если просто из любопытства, из случайного порыва вставит его в замочную скважину то всё рухнет. Обман вскроется, и последствия будут не просто неприятными, они будут фатальными. Дед увидит, задаст вопросы, сопоставит факты, и всё — каждая мелочь, каждая невинная случайность — сложится против в уничтожающую картину».

Алиса неслась вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньку цепляясь за перила, каждый шаг отдавался в висках пульсирующим притоком крови. Истерика подступала, и Алиса уже не пыталась её сдерживать — она лишь надеялась, что успеет прежде, чем Зайцев вставит ключ в замок.

На площадке между этажами она замерла.

У двери её квартиры, стоял Зайцев. В протянутой к двери руке он держал связку ключей, которые в тусклом свете подъездной лампочки кружились в бесноватом танце бликов. Зайцев не пытался открыть дверь — он просто стоял, переминаясь с ноги на ногу, и, кажется, только собирался постучать. На голове у него сидела большая, плотно прилегающая к ушам гарнитура.

— Зайцев! — окликнула его Алиса, но собственный голос показался ей лишком громким в тишине. — Зайцев!

Он не повернулся.

Алиса набрала в грудь побольше воздуха — получилось судорожно, с всхлипом, — и заставила себя собраться. Она подошла к нему, чувствуя, как дрожат колени, и одёрнула за плечо.

Зайцев вздрогнул, стаскивая наушники, его глаза округлились. На лице Алисы, должно быть, отражалась такая невообразимая смесь эмоций что он на мгновение окаменел, забыв про всё на свете.

— Алиса? — спросил он наконец, и в голосе его прозвучало искреннее, непритворное беспокойство. — У тебя всё нормально? Ты какая-то... бледная. Случилось что-то?

— Да, — выпалила она, и тут же поправилась: — Всё нормально. Просто я тебя не ожидала увидеть сегодня. Вот и всё. Неожиданно.

Он смотрел на неё всё с тем же недоумением, но потом его взгляд скользнул вниз, на собственную руку, в которой он всё ещё вертел связкой ключей.

Алиса, заметив этот жест, внутренне сжалась, но внешне расправила плечи и решительно оттеснила его от двери, встав между ним и замком.

— Сейчас, сейчас, — забормотала она, притворно всовывая свой ключ в скважину и дёргая ручку. — Ты знаешь, эти старые двери, они все такие... Вечно заедают. То ли рассохлись, то ли ещё что. Времени нет починить, сам понимаешь. Но зачем чинить, если знаешь секрет? Вот смотри: надо просто надавить вверх, вот так, и одновременно повернуть, и — оп! — открывается. Видишь? Никаких заморочек.

Она болтала, заполняя пространство словами, чтобы он не заметил, как дрожат её пальцы. Наконец замок поддался, дверь распахнулась, и Алиса, всё ещё с лихорадочно блестящими глазами, нехотя отступила в сторону, пропуская гостя в прихожую.

— Проходи, — сказала она, и это прозвучало почти как приговор.

Из кухни, привлечённая шумом, выглянула мама. Она стояла в проёме и лицо её озарилось искренней, безмерной радостью, какой Алиса у неё давно не видела.

— Ой! Сашенька! — всплеснула она руками, и ложка описала в воздухе полукруг, едва не задев косяк. — А мы тебя сегодня и не ждали! Вот так сюрприз! Ну проходи, проходи, чего встал на пороге! Я как раз завтрак готовлю, сейчас чайник поставлю. Ты голодный, наверное? С уроками поможешь Алисе? Она у меня сегодня что-то сама не своя — может, хоть ты её в чувство приведёшь своей фотографией!

Алиса закрыла дверь, закрыла глаза. Выдохнула. Открыла. Зайцев разувался в прихожей, а мама щебетала что-то про пирожки с вишней, оставшиеся с воскресенья.

— Зайцев, — сказала Алиса, стараясь, чтобы голос звучал буднично, — руки помой.

Он кивнул и скрылся за дверью, а Алиса, не теряя ни секунды, метнулась к сиротливо лежащей связке ключей. Пальцы её действовали быстро, она заменила ключ, что лежал у неё в кармане и жёг бедро, словно раскалённый гвоздь, забитый чёртом. Металл звякнул, кольцо сомкнулось, и Алиса выдохнула по-настоящему глубоко. Связка вернулась на тумбочку, будто ничего и не было.

На кухне Зайцев, уже успевший освоиться, уплетал зефир, что принёс в воскресенье в качестве гостинца.

«Весь пакет, до последней подушечки, он прикончил сам».

— Ничего себе гость, — фыркнула Алиса, усаживаясь, напротив. — Принёс, сам съел. Честно — уважаю.

Зайцев смущённо пожал плечами.

— Слушай, а Лера... — начала он вполголоса, наклонившись чуть ближе. — Чем она вообще занимается? Ну, помимо школы? Она в команде, вроде, за главную. Наверняка что-то интересное есть ещё.

Алиса покривилась от неловкости и бросила на Звайцева предупреждающий взгляд. Мол, не при маме.

Но мама уже обернулась от плиты и, поставив чайник на стол, радостно вклинилась в разговор:

— А что за группа? Лера? Вы о чём, молодёжь? Колись давайте!

Зайцев ухватился за телефон.

— Да мы тут собираемся иногда, компанией, — забормотал он, листая мессенджер. — Вот, у нас группа есть, «Весёлые картинки».

Мама заглянула в телефон и прыснула со смеху, а Алиса мысленно закатила глаза.

Но мама уже переключилась на другую волну, и Алиса была ей за это безмерно благодарна. Потому что если бы не мамина инициативность с сыплющимися один за другим вопросами — «Что сегодня делали?», «Какие предметы были?», «А ты что сдавать собираешься, Саш?», «А куда поступать думаешь?» — Алиса давно бы завалилась. Она чувствовала это почти физически: стоит маме выйти из комнаты хоть на минуту, и она провалится лицом в стол.

Поэтому она сидела и молча радовалась, что мама трещит без умолку, не давая Зайцеву обратиться к ней напрямую. А он, надо отдать ему должное, держался достойно. Говорил о театральных студиях, в которые когда-то ходил, о кино, которое смотрел запоем, о чёрно-белых фильмах с субтитрами и без, о режиссёрах, чьи имена Алиса слышала впервые, но на всякий случай кивала с умным видом.

Наконец мама, взглянув на часы, засобиралась — ей нужно было на работу, и Зайцев, кажется, воспринял это как сигнал к отступлению. Они вышли в коридор, и Алиса, накинув новую кофту, вышла проводить его на лестничную клетку.

В подъезде было тихо, лампа мерно гудела под потолком, заливая площадку. Зайцев мялся, переступая с ноги на ногу.

— Слушай, — начала она, понизив голос, — ну, насчёт Леры... Ты спрашивал, чем она занимается. Это, в общем... она просила никому не рассказывать. Серьёзно. Я обещала.

Зайцев уставился на него с откровенным недоумением. Он-то официально состоял в отношениях.

— Алиса, — сказала он медленно, взвешивая каждое слово, — я вообще-то теперь с ней. В одной лодке, как ты выражаешься. Мне можно знать. Или ты думаешь, я побегу разбалтывать всем подряд?

Он потупился. На щеках его проступил румянец, и Алиса вдруг заметила, что уши у него горят — совсем как у неё самой в моменты сильного смущения.

— Танцами, — выдохнула он наконец, и слово это прозвучало так, словно она выдавала государственную тайну. — Она танцами занимается. Практическим стриптизом, не помню, как называется. Но ей кажется, что это... ну, что это не круто. Что все будут смеяться. Поэтому она и просила не рассказывать.

— Понятно, — сказал Зайцев, и уголки его губ дрогнули в улыбке под действием накачивающих лавиной слов. — Секрет Полишинеля. Ладно, я никому не скажу. Танцы — это... нормально, кстати. Я когда-то гимнастикой занимался. Так что я тебя понимаю. Её то есть. Понимаю, — он задумался и немного робко, добавил — И ещё, не пойми меня неправильно, ты мне скажи если увидишь, что к ней Максим клеится, не нравится он мне, всё время рядом маячит, не здорово это совсем.

— Как скажешь.

Зайцев, кажется, испытал огромное облегчение. Он выдохнул, расправил плечи и вдруг, словно вспомнив что-то, добавил уже совсем другим тоном:

— А я, кстати, хотел сегодня позаниматься фотографией. Но что-то с дверью случилось — ключ вроде подходит, а замок не открывается. Может, дед перепутал связки, дал не те ключи? Надо будет у него спросить.

Алиса мгновенно перебрала в голове картину оставленной квартиры: альбом в шкафу, мокрая кофта, стакан, бордовые разводы, смотря как Зайцев не мог открыть дверь правильным ключом.

— А ты попробуй приподнять дверь, — сказала она вслух, и голос её прозвучал лениво. — За ручку. Вверх, а потом поворачивай. У нас тут все старые двери такие. Я тебе как специалист по старым дверям говорю.

Он посмотрел на неё с сомнением, но кивнул.

— Ладно. Попробую. Спасибо за совет.

— Обращаясь, — Алиса привалилась плечом к дверному косяку и скрестила руки на груди. — Я вообще кладёшь полезных советов. Особенно по части всего, что заедает и не открывается.

Замок щёлкнул и тяжёлая деревянная створка медленно, с протяжным скрипом отворилась, впуская Зайцева в нутро дедовой квартиры.

Он не стал долго копаться. Не принялся, как она боялась, обходить комнаты, заглядывать в шкафы, перебирать альбомы. Вместо этого он прошёл прямо в спальню. На столе, прикрытый от пыли куском плотной ткани, лежал фотоаппарат. Рядом, в картонной коробке из-под печенья, были сложены плёнки.

Зайцев взял аппарат в руки бережно, почти благоговейно. Взвесил. Проверил объектив. Потом выудил из коробки пару плёнок, сунул их в карман куртки и, окинув комнату прощальным взглядом направился к выходу.

Деревянная гробница захлопнулась с недовольным стоном. Щёлкнул замок. Зайцев, придерживая фотоаппарат под мышкой, поднял глаза и посмотрел на Алису, что всё ещё стояла у перил, откровенно разглядывая его.

— Ну что? — спросила она, стараясь придать голосу безразличный оттенок. — Взял, что хотел?

— Взял. Спасибо тебе. За дверь, то есть. За совет.

— Да не за что, — пожала плечами Алиса и вдруг, повинувшись порыву, добавила: — Ты это... если снимать что-то будешь, покажи потом. Мне интересно.

Зайцев на мгновение замер, не веря своим ушам. Потом кивнул — быстро, смущённо, как тогда, в кухне, когда мама хвалила его увлечение.

— Обязательно, — сказал он и, развернувшись, начал спускаться по лестнице, прижимая к груди фотоаппарат — так, словно это было дышащее существо, доверенное ему на временное хранение.

— Я тут подумал. Может, вместе? Ну, пофотографировать. Вдвоём. А то я один всё время.

Она хотела отказаться. Уже приготовила фразу, но встретила с ним взглядом.

Он стоял перед ней нескладный, с облупленным «Зенитом» в руках, и ждал без всякой надежды. Алисе казалось он хочет её в чём-то уличить.

«Не может быть, что бы человек был таким искренним, у него какой-то план.»

— Ладно, — услышала Алиса свой голос. — Давай попробуем.

Они вышли на улицу, Зайцев, смущающийся мальчик, исчез, на его месте возник хищный наблюдатель. Он шёл по улице и по преимуществу снимал людей, подходил к незнакомцам бесцеремонно и спрашивал: «Можно вас снять?» Настраивал аппарат, приседал, отходил на шаг, снова приближался, а потом вдруг говорил что-то — короткое, неожиданное, — что вызывало у людей неподдельную эмоцию: смех, удивление, иногда злость. И в этот самый момент он щёлкал.

— Попробуй, — сказал он, протягивая ей камеру. — Просто подойди к кому-нибудь. Скажи что-нибудь. Что угодно. Главное — чтобы человек раскрылся. Понимаешь?

Алиса взяла аппарат неохотно. Она сделала пару шагов в сторону женщины с коляской, но та, заметив её приближение, ускорила шаг и отошла в сторону. Алиса развернулась, заметила старика на скамейке, но пока она настраивала фокус, старик поднялся и ушёл. Выжидать, рассказывать что-то, вступать в контакт, на это у неё не было ни желания, ни терпения. Она быстро отщёлкалась: первое, что попало под руку, — голуби, лужа, чьи-то ноги в кроссовках. И вернула аппарат.

Зайцев призадумался над отснятым и промолчал. Алиса поняла: он разочарован.

Они перешли на съёмку города. Ларьки, деревья, старые дворики с сохнувшими на турниках коврами. Алиса снимала пожухлую траву с косыми тенями. Для неё это было занято, но Зайцеву, кажется, красоты было мало. Она чувствовала, как у него начинают сдавать нервы. Он сдерживался — из вежливости, из нежелания конфликта, — но желваки на скулах уже ходили ходуном.

— Алиса, — сказал он наконец. — если ты собираешься этим заниматься серьёзно, тебе необходимо работать с пространством. С геометрией кадра. А дальше — со смыслами. Фотография — это не просто «красиво». Это высказывание. Ты понимаешь?

— Я понимаю, — отрезала она резче, чем собиралась, — что вот это всё — тени, геометрию, пространство — я снимать умею. Мне это не интересно. Я занимаюсь только тем, что мне интересно.

Он остановился. Посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом — совсем взрослым, и, поняв издёвку, оскалился.

— Знаешь, в чём твоя проблема? Ты мнишь себя великой. А по сути снимаешь ужасную банальность. Траву с тенями. Это красиво, да. Но это пусто.

Алиса вспыхнула. Щёки залило жаром, ладони сжались в кулаки, и прежде чем она успела подумать, слова уже сорвались с языка:

— А твои фотографии? Те, что ты деду показываешь? Чем они лучше, в них тоже нет конфликта. Композиция — да. А смысла нет. Что первая, что последняя, все с одинаково примитивными эмоциями. В них нет глубины. Ни текстуральной, ни эмоциональной. Просто хорошо сделанные картинки. Открытки.

Он дёрнулся, словно от пощёчины, желваки заходили сильнее. И вдруг — спокойно, почти вскользь — заметил:

— Ну, хотя бы в этом я ближе к цели. К тому, чтобы научиться. А ты даже не пытаешься.

— Если бы ты не разгрохал мой аппарат, — выплюнула она, — я бы, может, и пыталась. Я бы работала. А всё своё чванство и навязывание засунь себе в жопу.

Зайцев молчал, глядя куда-то в сторону, на старый тополь, роняющий жёлтые листья. Потом перевёл взгляд на неё и сказал:

— Знаешь, пенять на прошлое такая себе стратегия. Человек может проработать свои травмы. Может понять, что с ним случилось, и двигаться дальше. А ты, Алиса, этого не сделала в положенный срок. Ты держишься за обиду, и она мешает тебе добиться высоких результатов. Не я. Не дед. Не обстоятельства. Ты сама.

Алиса замерла.

— Ну и что ты от меня хочешь? — спросила она, голос её дрогнул, но она тут же взяла себя в руки, сделав его жёстче. — Ты хочешь обвинять меня? Ты пришёл пилить меня за собственный проступок, который считаешь детской глупостью? Ты не извинился. Тебе похуй или ты намеренно не хочешь признавать своей вины за то, что разбил и ни разу не написал, не позвонил после этого? Стараешься в родственники прописаться, ни с того ни с сего? Что тебе вообще нужно от моей семьи?

Он выдохнул. Долго, протяжно, словно собираясь с силами перед прыжком в холодную воду.

— Я пытаюсь сказать, что нам нужно держаться вместе. Сейчас особенно. Я сожалею о прошлом. О том, что не ценил, не извинился тогда же, сразу. Я понимаю, что не могу вернуть столько лет. Но можно начать заново. Разве нет?

— Какой же ты такой тупой. — сказала Алиса, и эхо её голоса заметалось между панельными стенами, вспугивая голубей с карниза. — Я уже другая. Я изменилась. И меняться дальше я не способна, слышишь? У тебя была своя жизнь, у меня — своя. Ты разобрался в себе, вырос, талантливый, нашёл свой путь — поздравляю. Искренне, от души. Но у меня свои заботы, таланты, мечты, планы. Свои способности и свои возможности. Приходить со своим мнением о съёмке, понимать посыл и игнорировать его, есть высшая степень идиотизма. Спасибо, что волнуешься за мой уровень, но со своим творчеством я разберусь сама, как бы ты не хотел его видеть иным.

Она замолчала, тяжело дыша. Зайцев стоял напротив, и на лице его странная, тихая печаль, словно он смотрел на неё из точки, где всё уже давно решено и понято.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Разберёшься — значит, разберёшься. Я не буду навязываться.

За сценой наблюдал Том. Он стоял в тени старой арки, ведущей во внутренний двор. Алиса заметила его краем глаза и от этого её раздражение вспыхнуло с новой силой, на молчаливого свидетеля.

Зайцев не заметил Тома. Он всё ещё стоял напротив, не делая попытки уйти.

— Я просто хочу помочь тебе с техникой, — сказал он. — Только и всего. Ты можешь злиться на меня сколько угодно, видеть в моих действиях способ отбелиться. Но я вижу, как ты снимаешь. Тебе не хватает ремесла.

Алиса молчала, кусая губу. Ей хотелось снова огрызнуться, но силы ушли в пустоту двора.

— Возможно, — сказала она наконец, — у меня с тобой ничего не получится.

Он кивнул понимающе, отчего у Алисы вдруг защипало в глазах.

Том всё ещё стоял под аркой, провожая их взглядом. Она чувствовала этот взгляд затылком, но не оборачивалась.

Они вернулись в квартиру деда. Ванная комната наполнилась запахом реагентов. Когда дверь, погребённая под толстыми тканями, закрылась и Зайцев включил красное освещение, мир залился inferнальным светом. Алиса забилась в угол, стараясь не мешать, и наблюдала. Запоминала: проявитель, стоп-ванна, закрепитель. В основном она запоминала баночки с нужным содержимым, что Зайцев брал не глядя, будто был с ними давно знаком. Проявка оказалась ужасно долгим занятием и до ужаса однотипным. Плёнку нужно было крутить в бачке —

мерно, ритмично, без остановок, — и от этого монотонного движения начинало клонить в сон. Поддоны с полок смотрели отчуждённо, пустые и тёмные, словно глазницы черепов. А кудри Зайцева, подсвеченные алым фонарём, придавали ему колдовской вид.

Когда плёнка достаточно проявилась, он извлёк её из бачка и поднёс к лампе. Алиса придвинулась ближе, не собираясь выходить наружу многим раньше брата, — хотелось увидеть в багровом полумраке результат и не давать ему повода найти кофту.

Инверсированные лица на спирали смотрели кто куда — в дикой, бессмысленной пляске негатива. Всё было чужим и одновременно жутко знакомым. Мелкие, живые черты глядели с плёнки и почти двигались — казалось, сейчас из эмульсии вырвутся маленькие цепкие ручки и схватят Алису за пальцы, а потом, упав на кафельный пол, многоножка спрячется за ванной и будет шуршать.

Она смотрела на лица пойманные Зайцевым враспloch, — и сравнивала их со своими. Её изображения были открытыми безднами, в которые падали персонажи Зайцева. Трава с тенями, пустой двор, голуби, всё растворилось в пустоте маленькими клочками. Алиса продумывала всё это в тишине, нарушаемой лишь мерным стуком резервуаров и тихим, сосредоточенным дыханием Зайцева.

Снова стало скучно. Требовалось много времени, чтобы плёнка высохла. Зайцев что-то колдовал с зажимами, развешивая мокрые полосы на душевой верёвке, протянутой под потолком, а Алиса чувствовала, как её накрывает волна усталости и почти клаустрофобного отчаяния. Сразу после завершения работы Зайцевым она нащупала в темноте ручку двери и толкнула створку.

2.

Она вышла из квартиры и замерла на пороге, потому что лестничная клетка превратилась манеж.

Тим стоял, как иллюзионист перед началом коронного номера. В руках он держал деревянный ящик с занозистыми боками, из него выглядывали мокрые хвостики клубники. Алиса видела волшебный реквизит.

«Сейчас, Тим откинет невидимую крышку, щёлкнет пальцами — и оттуда, толкаясь мохнатыми боками, полезет нескончаемая вереница ушастых белых кроликов. Один за другим, один за другим — они заполнят подъезд, превратят обшарпанные стены в подобие живого, дышащего облака, мягкого и щекотного, пробьют потолок своими розовыми ушами и унесутся в небо, оставив после себя запах клубники и лёгкое головокружение».

— Дашь? — спросила Алиса, сама не зная, о чём именно просит.

Тим улыбнулся и протянул ей ящик, дерево скрипнуло в его руках эшафотом под висельником.

— Дам.

— А клубничку? — она засмеялась. Смех — как спасательный круг, брошенный самой себе. — Клубнику-то дашь? Или только ящик?

Тим засмеялся в ответ.

А потом дверь позади Алисы скрипнула и на площадку выплыл Зайцев, его ноздри дрогнули, учуяв ягодный дух, и он потянулся к ящику всем существом.

Тим перехватил ящик и отодвинул его.

Зайцев замер на полпути. Его рука повисла в воздухе самостоятельным организмом, который ещё не понял, что ящика ему не видать. А потом он не обиженно улыбнулся, по-клоунски, широко, резиново, так, что уголки губ вот-вот встретятся где-то на затылке. Насвистывая что-то фальшивое, он зашагал вниз по лестнице.

— Станный этот Зайцев, — сказал Тим, когда дверь подъезда внизу хлопнула, и эхо выстрелило вверх по всем этажам. — Что в нём Лера нашла? Сто пудов использует. Только непонятно как.

Алиса взяла из ящика клубнику. Ягода была холодной, с мелкими пупырышками семян.

— Непонятно зачем, — она откусила половину и говорила теперь с набитым ртом, отчего слова становились мягкими и круглыми. — Что он, кроме творчества, дать-то может? Вот то, что она к Максиму подкатывает, — это ещё понятно. Интересно, конечно. Уже дядька взрослый. Как ей самой не противно?

Она скривилась, представляя Леру, строящую глазки преподавателю по информатике, что был с Максимом одного возраста, но казался противней вдвое.

— Да что с него иметь, — Тим пожал плечами, перехватывая ящик поудобнее. — С паршивой овцы хоть шерсти клок. А тот на грантах сидит, с них копейку поиметь, столько мороки, да еще заниматься садомазо с детьми.

— Тоже верно, — Алиса доела клубнику и вытерла пальцы о джинсы. — Значит, что-то со знатностью связано. С упоминанием. Она любит это. На каждом фото в центре. На каждом проекте — лидер. Главное чтобы фамилия в списке первой стояла. Жирным шрифтом и восклицательным знаком.

— Да ладно, что в этом такого? — Тим поставил ящик на ступеньку и облокотился о перила, глядя на неё сверху вниз, хотя разница в росте была невелика. — И сами так можем.

Алиса усмехнулась. Можем. Конечно, можем. Весь вопрос в том, хотим ли.

— Мг, — она кивнула, глядя куда-то в пролёт, где тени от перил рисовали на стене косую клетку. — Минуй горизонталь, идём на вертикаль.

— Да-да, — подхватил Тим с готовностью, будто они репетировали этот диалог сто раз. — Сразу аристократические отношения. Махнуть в рай — и не волнует.

— Ещё немного в рай, — Алиса растянула слова, как ириску, — и жизнь удалась.

— Вар э бьютифул лайф, — Тим сказал это с жутким акцентом, будто учил английский по советским пластинкам, и они снова засмеялись.

Тим потянулся за очередной ягодой для Алисы, его локоть задел угол ящика, и деревянное чудо, только что бывшее волшебным реквизитом, превратилось в подчиняющийся законам физики предмет. Ящик дёрнулся, клубника хлынула наружу алым градом.

Ягоды издавали сочное «блямп». Первые ударились о ступеньки и подпрыгнули, как маленькие резиновые мячики, окропляя бетон рубиновыми брызгами. За ними — вторые, третьи, десятые. Они катились вниз, набирая скорость, обгоняя друг друга, сталкиваясь и разлетаясь в стороны, залетая в самые тёмные углы лестничной клетки, куда не ступала нога уборщицы со времён перестройки.

— Ой, — сказал Тим.

Тим опустил рядом с Алисой. Их руки мелькали над ступеньками, двумя неуклюжими воронами, пытающимися склевать рассыпанное солнце. Ягоды были скользкими, непослушными, они выскальзывали из пальцев и норовили укатиться на следующий пролёт, где их уже поджидал мутный свет из закрытых окон.

— За собой оставляем красные кружочки, — заметила Алиса, оглядываясь. — Как Гензель и Гретель. Только нас не ведьма найдёт, а соседи. И убьют.

— Ничего, — Тим аккуратно, почти нежно, укладывал спасённые ягоды обратно в ящик, предварительно сдувая с них пыль. — Соседи у нас ленивые. Пока раскachaются, мы уже всё соберём. Или сбежим. Или сбежим, а потом соберём. В обратном порядке.

Она подняла очередную клубнику, та была чуть примята, но ещё держалась, как держится на ногах боксёр после нокдауна.

— Слушай, — сказала Алиса, и голос её изменился. Стал ниже, включив внутренний мотор. — А что, если нам деда в проект Максима включить?

Тим поднял глаза. Он сидел на две ступеньки ниже и теперь смотрел на неё снизу-вверх.

— Порфирия? — уточнил он, хотя уточнять было не нужно.

— Его самого. Подумай: Максим вечно ноет, что у его студентов нет связи с реальным искусством за пределами канала культура, что мы все поверхностные, с клиповым мышлением и позорной мобилографией. А тут — живой классик. Бомба.

Тим вытер руки о джинсы — теперь на его коленях красовались два алых пятна. Алиса услышала, в его голове проворачиваются те же самые шестерёнки, что только что крутились у неё.

— Нам с тобой, — продолжила она, и слова теперь сыпались быстрее клубники, — как главным затейникам, большой плюс в карму.

— Круто, — выдохнул Тим.

Он всё ещё смотрел на неё снизу-вверх, с улыбкой, съезжающая влево — стала шире. В ней читалось не до конца оформившееся восхищение.

— Можно это приурочить к дню рождения Леры, — добавила Алиса, и в голосе её мелькнула сталь.

— Что бы носом не воротила, — подхватил Тим, и они обменялись быстрыми, заговорщическим подмигиванием двух шахматистов, заранее договорившихся, кому достанется звание гроссмейстера.

Алиса смотрела на красные кружочки сока на ступеньках, на Тима, чьи колени теперь напоминали абстрактную живопись, и чувствовала бешеное самовоспламенение.

— Всех сделаем, — Тим поднялся, отряхивая джинсы, и подал ей руку. — Ты кого угодно сделаешь. Ты же Алиса.

После этих слов Алиса на долго спряталась в квартире, а после вернулась за испорченной кофтой, годящейся теперь лишь для чёрного мусорного мешка.

3.

Кыргызский язык был для Алисы диковинным зверем. Прекрасно певучий, он переливался, как горный ручей в горах Тянь-Шаня, и в исполнении преподавателей, когда они читали диктант, — прошибал Алисину голову насквозь. Входил в одно ухо, звенел в районе затылка оборванной струной и благополучно вылетал из другого. Непонятные конструкции, менялись в зависимости от настроения учителя и не желали без ошибок ложиться в тетрадь.

На все претензии она часто отшучивалась — мол, я учу язык семнадцать лет. Русский язык учу. Какой с меня спрос? Шутка была бородатой, но работала безотказно. Учителя вздыхали, одноклассники посмеивались, а Алиса в очередной раз уходила от ответа, предавая свою гордость.

Но сдавать государственный экзамен было необходимо, как дышать или платить за квартиру. Поэтому некоторое понимание на уровне собаки, знающей ограниченное количество команд, ей требовалось. «Саламатсызбы» — вилить хвостом. «Кандайсыз?» — подать лапу. «Макул» — лежать. Благо киргизский язык в русскоязычной школе преподавался в соотношении шесть частей щадящего режима и две часть суровой реальности русского наследия. Сама Алиса оценивала своё знание между двойкой и четвёркой. Точно не три. Позиция «или-или»: или она что-то понимала, искала в учебнике и отвечала, удивляя даже саму себя, — или не понимала ничего, и тогда её лицо приобретало выражение глубокой отрешённости.

Обычные уроки проходили в строгом порядке. Встать, «Саламатсызбы», «Кутмандуу күнүңүз менен», Сели. Куплет-припев гимна — слова, выученные наизусть более древней частью организма чем мозг. Домашка.

Вот с этим была сложность.

В старших классах большинство детей пасовали даже перед стихами на русском языке — четыре строфы про весенний и тлетворный дух казались эпической поэмой. А отрывок из эпоса «Манас» — смертельным оружием: Три поколения богатырей, бесконечные кони, битвы, плачи, свадьбы, всё это нужно было не просто прочитать, но и воспроизвести с выражением,

с чувством, с толком, с расстановкой, раскачиваясь в такт стихотворному ритму, как древний манасчы у костра.

Но сдавать язык приходилось. В алфавитном порядке приглашали к доске. Человек присаживался на стул, закрывал глаза, раскачивался и извлекал из памяти продукт народного творчества, передававшийся из уст в уста столетиями.

Самыми везучими в области сдачи были «матрёшки». Язык они конечно знали и активно им пользовались в быту и на уроках, но под хиджабом прятали наушники и сдавали стихи, как светскую молитву.

Алиса тоже пользовалась наушниками, когда учить не было времени или желания она доставала телефон, надиктовывала злополучный отрывок, прятала наушник под волосами и шла к доске. Однако у неё не было такого крутого повода не палиться, как у «матрёшек». Алиса думала: «Ну что ж, не принимать же из-за одной лишь выгоды ислам? Свои не поймут. Другие с прищуром посмотрят вслед — мол, опять эта русская что-то мутит, веры у неё нет, зато наушники есть.» Поэтому Алиса выкручивалась длинными волосами. Они спадали шторками на уши, непроницаемые для посторонних глаз.

А все вопросы по поводу пучка или хвоста, регламентированного уставом учебного заведения в целях препятствия распространению гнид, соблюдались при помощи низко посаженной резинки, крепящейся с изнанки рубашки, у самого воротника, так хитро, что длинные волосы превращались в каре. Учителя хмурились, но придаться не могли: формально устав соблюден, волосы подобраны, гниды обезврежены.

И она сдавала. Раз за разом закрывала глаза, раскачивалась и исторгала из себя продукт народного творчества — с лёгкой задержкой в полсекунды. И Гульнара Асановна, принимавшая домашнюю работу, улыбалась в платочек и говорила: «Молодец, Алиса. У тебя почти кыргызское произношение. Почти».

Алисе повезло сидеть с Алиповой, они выходили друг за другом рассказывать стихи, быстро отмучивались и весь остаток урока разговаривали шёпотом, набрасывая на повестку дня прочитанную статью или событие.

— Ты читала, что «Медуза» написала про новый закон? — спрашивала Алипова, жуя колпачок.

Алиса не была погружена в контекст. И каждый раз, когда соседка открывала рот, чтобы обрушить на неё поток пересказанного из третьих ртов воздуха, упакованного в гладкие фразы и перевязанного бантиком объективности, Алиса думала об одном и том же.

«Кто я такая, чтобы это всё критиковать? Столь проработанная база постов, выверенная на аптечных весах, рассчитанная на определённую аудиторию, желающую определённого мнения, существовала задолго до меня и будет существовать после. Люди читают, кивают, передают воздух из рук в руки под видом ментальной помощи и счастливы в этом лепрозории. Имею ли я право влезать в этот отлаженный механизм со своим ломом, не прочитав ни строчки?»

И потому Алиса только троллила, легко играючи.

— На каждую «Медузу» найдётся РТР. На каждого еврея — своя Гиперборея. А на «Кактус Медиа» — канал «Баластан», с мультиками про кыргызских деток с спелыми абрикосами вместо щёк и смешным осликом, который смотрит на мир влажными, преданными глазами и вечно застревает в арыке.

— Ишак это, — поправляла соседка по парте. — Не ослик, а ишак. Ослы — они в Африке. А у нас ишаки. Почувствуй разницу.

— Чувствую, — кивала Алиса, и в её голосе звенела едва уловимая издевательская нотка, которую одноклассница не могла уловить будучи верящей в то, что с ней говорят всерьёз. — Ишак — это святое. Ишак — это скрепа. Не трогай ишака.

— Я не трогаю! — возмущалась девушка. — Я просто говорю, что это разные вещи. «Медуза» — это журналистика. А «Баластан» — это канал для детей. Как их можно сравнивать?

— Очень просто, — Алиса откидывалась на спинку стула, и стул жалобно скрипел. — И там, и там показывают картинки. И там, и там рассказывают истории. И там, и там есть ослик. Просто в одном случае ослик — это символ трудолюбия и народной мудрости, а в другом — символ того, что ты сейчас начнёшь кипятиться и доказывать мне то, на что мне искренне насрать.

— Да с тобой вообще ни о чём нельзя поговорить! — она всплеснула руками, и её колпачок от ручки, изгрызенный до состояния мочалки, закатился под парту. — Ну вот, например, Версус. Его по новостям показывали. Философская дискуссия. Великие книги. Это ведь современные поэты, понимаешь? Они не просто рифмуют «любовь-морковь», они смыслы транслируют. Это же целый культурный пласт. Как ты можешь отрицать культурный пласт?

Алиса помолчала. Она смотрела в окно, где за стеклом раскачивался полиэтиленовый пакет, трепыхавшийся на ветру.

— Слушай, — сказала она наконец, не поворачивая головы, — не согласна. Реп — говно для нищеты.

Соседка подавилась воздухом.

— Что?! — её голос взлетел на октаву выше, туда, где обитают ультразвуки и летучие мыши. — Как ты можешь так говорить? Это же целая культура! Его же все слушают!

— Я не слушаю. — Алиса наконец повернулась. — Я не говноед.

Повисла пауза. Алипова хватала ртом воздух, пытаясь осознать масштаб катастрофы.

— Ну ладно, — она взяла себя в руки, — но книги. Тысячелетний герой. А? Какой градус охрененный. Ты читала? Там вообще-то про вечное. Про путь. Про то, как человек идёт сквозь время. Это же мифология! Архетипы! Юнг!

Алиса фыркнула.

— Да говно это. Какой-то мудак с седыми мудями придумал херню, и люди хавают.

— Му-у-удями? — одноклассница даже икнула. — Ты вообще о ком? О Кэмпбелле?

— Обо всех сразу. Один сидел в кабинете, у него чесались яйца, он придумал, что все истории мира — это одна история. А другие пришли и сказали: о, круто, давайте снимать по этой схеме всё подряд. И снимают. И пишут. И народ жрёт, да облизывается

Алипова молчала. Она смотрела на Алису со всей возможной серьёзностью.

— Слушай, Алис, — сказала она тихо, почти шёпотом, — а когда ты стала такой... такой охрененно духовно богатой? У тебя что, свой источник истины? Ты его из воздуха добываешь? Или карьер разрабатываешь?

— А это из генов аристократии, — Алиса выдержала паузу ровно настолько, чтобы Алипова успела нахмуриться, но не успела перебить. — Смотри. Люди в среднем, если не жрут говно, то хотя бы смотрят на него. Изучают. Обсуждают. Говорят: «Ну, знаешь, это говно, конечно, но в нём потенциально есть изумруд». Аристократы же даже не смотрят в его сторону. У них это на генетическом уровне. Детерминированность.

— Какая детерминированность? — заморгала Алипова.

— Генетическая. Это когда тебе не нужно объяснять, что дерьмо — это дерьмо. Ты просто проходишь мимо. Не потому что ты сноб. А потому что твой прапрадед носивший монокль и стрелявшийся на дуэлях, с куколдом Пушкиным, уже всё решил. Его опыт записан в твоей ДНК. Вот ты смотришь на Версус — и твоя ДНК говорит: «Голубушка, не марай глазки». И ты не марает.

Алипова сначала порозовела, потом пошла красными пятнами, и вот уже её щёки пылали, как два сигнальных фонаря.

— Иди на хуй.

Алиса улыбнулась от уха до уха.

— А ты встань, — ответила она нежно.

Соседка сделала последний заход.

— А вот Лиза с клауд-репом. Ну ведь талантливая. Умная лирика. Без того, что ты не любишь. Просто девочка и пианино. Ты же такое любишь? Ну? Признайся.

Алиса задумалась над образом. Что-то она слышала от Леры про Лизу, но уже смутно. Лера тогда вздохнула рассказывала про какую-то тусовку, про чью-то квартиру, про то, как Лиза читала и все толи плакали, толи хохотали. Алиса тогда смотрела на фотографию этой самой Лизы в телефоне и думала: природа иногда шутит злые шутки.

«Квадратная голова, как у робота из «Ну, погоди», посаженная на худую шею. Глаза умные, не спорю. Но массивный подбородок, вырубленный топором из цельного куска мрамора, перевешивал всё».

— Умная ли лирика? Под вопросом. — сказала она наконец, растягивая слова. — А талант на внешку лучше променять. Особенно в её случае.

Алипова ахнула всем своим круглым лицом и замолчала вплоть до конца урока.

— Ты... ты... ты мне троллила! — она задохнулась от возмущения, когда они шли по коридору. — Ах ты сучка! Я тут перед ней душу раскрываю, книги ей, поэзию ей, а она! Ты всё это время надо мной издевалась!

И она легонько ударила Алису по плечу, чтобы обозначить: я сержусь, но я всё ещё тебя люблю.

4.

После занятий Александра Александровна дождалась Алису в холе, что бы проводить к себе домой для дополнительных занятий. Алиса согласилась, и они вместе вышли из школы. Лера, маячившая у ворот, при виде матери мгновенно ретировалась из группы подружек сославшись на некую встречу.

Дом Александры Александровны встретил Алису зелёным пленом. Кашпо атаковали окна, свисали с подоконников, карабкались по специальным подставкам, тянулись усиками к потолку. Хлорофитумы, традесканции, вьющиеся лианы, названий которых Алиса не знала, — сплетались в единую завесу, не оставлявшую глазу ни единого цвета в комнате, за исключением зелёного. Комната для занятий тонула в растительном полумраке, и воздух в ней был влажный и слегка пряный от ароматической палочки, тлеющей в углу на блюде, струился тонкий, молочный дымок.

Олимпиадные задачи по кинематике оказались не такими уж сложными. Белочка кидает орешки — с какой скоростью летят? Стрела, летящая под углом к горизонту — пренебречь сопротивлением воздуха, построить траекторию. Алиса решала быстро, почти машинально, чувствуя, как мозг, разогретый задачами, начинает работать яснее и чётче. А дальше всё скользнуло на тему жидкостей — вода между стёклами, разделёнными с одной стороны клином, изгибалась в гиперболе, и эта плавная, математически выверенная кривая вдруг показалась Алисе красивой настолько, что её не нужно никому доказывать.

После активной работы они уселись за обеденный стол и пили чай. Глиняные кружки, заварник с отбитым носиком, вазочка с сушками. Алиса, рассматривала фотографии на стенах, их было много, какие-то выцветшие, с зубчатыми краями, явно из семейного архива. Второй муж Александры Александровны был очень похож на Леру: те же светлые глаза, упрямая складка у губ. И брат Леры — на нескольких снимках, от младенчества до фуражки, а потом его словно перестали фотографировать, в нём черты отца отсутствовали вовсе.

Обычно Алиса не совала нос в чужие дела. Но сегодня чай был слишком горячим и располагал к откровенности.

— Тётъ Саша, — начала она осторожно, кивнув на одну из фотографий, где первый муж физички ещё был рядом с ней, — а вы... ну, вам не одиноко? Просто у вас взгляд такой усталый...

Александра подняла глаза от чашки, и Алиса на мгновение испугалась, что перешла границу. Но та лишь спокойно кивнула, не отводя глаз от чашки.

— Да, одиноко конечно, один, другой, не смогли оставить работу на работе, ну, или сделали это слишком поздно. Такое бывает. Люди иногда не справляются с собой, а расплачиваются за это близкие. Доказательная наука тут бессильна. Боюсь, что и я такая.

Александра усмехнулась и перевела взгляд на фотографию, где брат Леры, совсем ещё мальчишка, держал в руках грамоту за победу в олимпиаде.

— Сын жив, нормально всё. Работает. Навещает редко, но это понятно — у него своя жизнь, свои заботы. Мы с ним... не то чтобы близки сейчас... Где-то посередине. Как тела в невесомости — вроде есть притяжение, а вроде и не чувствуется.

Алиса перевела взгляд на другую фотографию: Александра Александровна совсем ещё молодая, смеющаяся, похожая на Леру.

«Ну надо же, какая честная».

Алиса пожалела о том, что мысленно назвала Александру честной. Потому что та вдруг посмотрела на неё внимательней и заговорила уже другим тоном. Более мягким, осторожным. Каким она сама говорят с Варей, когда хочет выудить информацию, не подавая вида.

— Кстати, о детях, — сказала она, помешивая чай, — ты ведь теперь с Зайцевым и Лерой в одной группе? Как у вас там дела? Она ничего не рассказывает дома, ты же её знаешь. А мне интересно, чем она живёт. Вы ведь, наверное, много времени вместе проводите?

Алиса напряглась. Александра, видимо, почувствовала её замешательство и сменила курс.

— Впрочем, ладно, — она махнула рукой и вдруг добавила, понизив голос до почти интимного шёпота: — Я вообще-то не совсем одинокая. И думаю, как бы рассказать об этом дочери. Но это так, к слову. Не бери в голову.

Она осеклась и посмотрела на Алису, словно только сейчас заметила, что перед ней сидит девочка, а не подруга за вечерним чаем. Уголки её губ дрогнули в смущённой улыбке, и она поспешно подлила себе ещё чаю, закрывая тему.

— Ну что, продолжим с задачами? У нас ещё оптика не разобрана.

Алиса кивнула, всё ещё переваривая услышанное, и чуть позже ещё на сорок минут уткнулась в задачи.

5.

Члены «Весёлых картинок» должны были встретиться на привычном месте — заброшенном многоэтажном здании, скрывающемся в центре города. Маленькие, упрямые деревца пробивались сквозь бетонные тропы, расшатанные временем, тонкие веточки карагачей тянулись к свету резными листьями, среди мёртвого железа и осыпающейся штукатурки.

Внутри просторного помещения с выходами, закрытыми плёнкой, расположился их самодельный штаб. Телеги, прикрытые мебельным поролоном и тканью, служили сиденьями и были просижены до дыр, но держали тепло и казались почти уютными. В жерле одной из бочек, приспособленной под импровизированный очаг, разгорались сухие ветки и пламя лизало их вместе с рыжими краями, отбрасывая в потолок дрожащий свет. Было тепло и светло, как в первобытной пещере.

Ребята сидели вокруг бочки и обсуждали концепцию Вариного будущего проекта — стопмоушен-анимации, задуманной ещё в начале осени. Идея была амбициозной: снять жизнь города в покадровой съёмке. Варя залилась краской и спрятала лицо в воротнике свитера, но Алиса заметила, как уголки её губ подрагивают от сдерживаемой улыбки.

Потом Максим включил проектор, и на бетонной стене ожили кадры. Он отснял серию городских зарисовок, утопленных в оранжевых, закатных красках. Панельные дома, троллейбусы, голуби на карнизе, бабушки на скамейках с разноцветными платочками на плечах или в белоснежной чалме—было снято с нежностью и вниманием к деталям. Лера, сидевшая ближе всех к проектору и внимательно следившая за сменой изображений, вдруг нахмурилась.

— Стоп, —Максим послушно поставил видео на паузу. — Вот смотрите. В этих кадрах отсутствует одна важная составляющая. Та, которой провинциальному городу катастрофически недостаёт — но без которой он будет выглядеть как открытка, а не как живое место.

Все притихли. Алиса, сидевшая поодаль до этого рассеянно ковырявшая палочкой уголи в бочке, подняла более высоко. Лера обвела взглядом собравшихся и, выдержав мхатовскую паузу закончила:

— Смысла. В них нет смысла. Вернее, он есть, но он какой-то... ну, открыточный и не наш, такое может зайти российскому зрителю, но как же мы могли забыть про колорит. Мы снимаем красиво, но о чём мы снимаем? Что мы хотим показать этими кадрами? Город — это не просто дома и бабушки. Город — это история. Память. Это то, что мы теряем и чего не замечаем. Вот чего не хватает.

Она замолчала, в наступившей тишине было слышно потрескивание углей. Максим смотрел на Леру с уважением. Варя что-то быстро чиркала в блокноте. Тим и Алиса, сидевшие по разные стороны от бочки, обменялись взглядами и Тим вдруг заговорил.

— У меня есть предложение. А что, если, — начал он, и в голосе его зазвучал знакомый Алисе азарт, — мы возьмём что-то настоящее? Не просто виды города, с показушной историей, а непосредственно жизнь людей. Например, чей-нибудь личный архив. Фотографии, которые кто-то снимал десятилетиями. Лица, которых уже нет. Дома, которые снесли. Это было бы то самое, о чём говорит Лера. Память.

Алиса смотрела то на Тима, то на пляшущие языки пламени, — и каждым волоском на руках ощущала, что он сейчас повернётся к ней.

— Алиса, — сказал он вкрадчиво, — зарекомендовала себя Порфирию, хорошему фотографу с большим списком наград, гуглите, у него есть куча фотографий жильцов дома, как жилец, отвечаю, фотографирует постоянно, почему бы нам с ним не объединиться, он предложит фотографии, а мы соберём истории жильцов.

Лера, воодушевлённая вниманием к Тиму, откинулась на импровизированном сиденье из поролона и заговорила.

— Хорошая идея, понимаете, — говорила она, и голос её, отражаясь от бетонных стен, звучал непривычно гулко, почти пророчески, — есть что-то, что объединяет нас всех. Не язык, не границы, не гражданство даже. А какая-то общая, глубинная структура сознания. Код. То, как мы видим мир, чувствуем, страдаем и радуемся.

Лера говорила, слова текли из неё прохладной мутной водой.

«Российская империя и губернии... — она загибала пальцы, униженные кольцами из серебра и бирюзы, купленными на этнофестивале. —Оседлость... Советское прошлое, подавившее свободу... Коллективная травма... Историческая память... Я думаю необходимо как-то показать это, очень актуальная тема»

Слова падали одно за другим в пересохший колодец. Алиса слушала вполуха. Этого было достаточно, чтобы не упасть в глазах Леры, но недостаточно, чтобы попытаться задушить туман, напускаемый ею.

Лера продолжала говорить о необходимости смотреть, в будущее, не таща за собой груз нерешённых проблем. «Мы — поколение, свободное от предрассудков, должны строить понимание прошлого, интерпретировать... нет-нет, мы должны провести психологический сеанс».

Алиса смотрела на огонь и думала: «эта интересная мысль вполне имеет форму шара с искусственным снегом: потрясёшь и внутри танцуют белые хлопья, шарик хорошо бы смот-

релся на полке с Адорно, Камю или Фуко, пока искусственный снег покрывал игрушечную империю с маленькими полями, крышами башен с крестами».

Алиса засыпала в отвлечении мыслей: «Был СССР. А много вышло? Крестьянам в восьмидесятом дали паспорта. В восьмидесятом, когда Алисин отец только родился, где-то в рязанской глубинке человек впервые получил документ, удостоверяющий, что он — человек. Не колхозник, прикрепленный к земле, как гвоздь к доске, а просто человек. И это называется прогрессом? А кровь, пролитая в Гражданскую на финишной прямой Первой мировой? Брат на брата, сын на отца, вся страна превратилась в одну огромную коммунальную кухню, где выясняют отношения с помощью топора. И грязи, тифа и продразвёрстки — кому-то предлагают верить в светлые устремления и общественные формации? Верить диктатуре партноменклатуры, в лидерах которой сидит дед с нейросифилисом и галстуком в горошек, по которому в Европе пидорасы определяли друг друга? Ну уж нет. Какие бы светлые идеи ни лежали на пути общественного гомогенеза, перепрыгивающим классовый антагонизм в гроб бесконечного равенства — спасибо, мимо. Лучше пешком, в другую сторону.»

Алисины мысли путались и снег покрыл игрушечную империю точно барханы.

«У нас всего лишь проект, связанный с искусством. И незачем тащить в проект художника собственные нарративы и требования».

Тим заметил её отвлечённый взгляд. Он всё это время молчал, поигрывая какой-то щепкой время от времени бросал ветви в костёр. И вдруг неожиданно, почти резко, вклинился в плавный поток Лериной речи.

— Слушай, Лер, — сказал он, и в голосе его зазвучали подтрунивающие нотки, — а кем ты себя, собственно, мнишь? Вот сейчас, в эту минуту? Ты говоришь от лица народа — «мы», «нас», «наше сознание». Но ты не народ. Ты современная интеллигенция. Образованная, начитанная, с собственным мнением. И ты это мнение выдаёшь за народное. Более того, ты говоришь, что нужно и важно показать в проекте фотографа, которого ты ещё даже не видела и не можешь знать его наполнения, при этом ставя норму моральной догматики, знаешь ли... не очень хорошо звучит. Попахивает менторством просвещённой барышни, спускающейся в цех к рабочим, чтобы объяснить им, как они на самом деле живут и что думают.

Лера вспыхнула. Даже в свете костра виднелось, как краска заливает её щёки. Она открыла рот, чтобы возразить, но Тим уже переключился — легко, играючи, как опытный фехтовальщик, — и увёл спор в другое русло.

— Давай посмотрим на искусство глазами фотографа и напишем событие, которое запечатлénное фотографией, — предложил он, и щепка в его пальцах описала в воздухе плавный полукруг. — Можно сделать что-то вроде проекта «История одного дома» с героями его фотографий. Найти этих людей или их детей, внуков, — расспросить, записать истории. Раскрыть судьбы персонажей и жизнь. Понимаешь, о чём я? Это не просто красивые пассажи, а документ.

Лера, всё ещё заведённая, но уже заинтересованная, медленно кивнула. Тим, почувствовав, что аудитория снова его, продолжил — теперь уже тише, доверительнее:

— Таким образом мы раскроем тематику поколений людей, живущих в одном доме. Протянем ниточку к тем ситуациям, в которых они оказались. Почему наши родители такие? Почему мы такие?

Он сделал паузу и, бросив быстрый взгляд на Алису — та всё ещё смотрела в огонь, но слушала теперь внимательно, — добавил:

— Было бы глупо делать это с одной семьёй. Одна семья — это не показатель. Это может нести какой-то политический мотив, личную заинтересованность, субъективность. А вот целый дом — это уже чуть более серьёзно. Подъезд. Несколько десятков квартир. Большой массив данных, который будет более чётко отражать действительность. И фотограф этот, по счастливому стечению обстоятельств, снимал именно так — не себя, не свою семью, а соседей.

Весь подъезд. Десятилетиями. Это огромный масштаб, такого точно ещё не было в Кыргызстане.

Алиса подняла голову. Их взгляды встретились, Тим едва заметно подмигнул ей.

— Плюс, — добавил он уже совсем другим тоном, с лёгкой ухмылкой, — во время сбора основного материала дедушки не будет дома. Что позволит нам немного... за ранее отпраздновать день рождения, нашей любимой, весёлой, обаятельной Леры. В тесном кругу. В атмосфере. С огоньком.

Все засмеялись — напряжение, вызванное его спором с Лерой, лопнуло, хотя по ней было видно, что осадок остался, но день рождения компанией без мамы, освободил её от дум.

Заговорили разом, наперебой: о дате, о подарках, о том, кто что принесёт. Лера, уже забывшая свою обиду, улыбалась и отмахивалась — мол, да ладно вам, не надо ничего, — но было видно, что ей приятно. Максим предлагал притащить колонки. Том, до этого молчавший, вдруг оживился и начал обсуждать с Лерой плейлист.

Вскоре ребята начали расходиться. В прощальном объятии сплелись руки с растрёпанными волосами, все на мгновение стали одним Левиафаном, через секунду рассыпавшимся на отдельных людей бредущих на свет уличных фонарей, так-как костёр в бочке накрыли железной крышкой, и он задохнулся, высосав последний кислород, оставив после себя запах гари и сизый дымок, стелющийся по бетонными сводами.

К Алисе прибился Тим, он возник рядом бесшумным мотыльком, вырезанным из темноты, и пошёл с ней плечом к плечу. Том, маячивший впереди, оборачиваясь и ожидая брата, но Тим коротко бросил: «Иди домой, я догоню», — и тот послушно растворился во мраке, оставив их вдвоём.

Они вышли во двор. Здесь было чуть светлее, облака разошлись, и бледная луна заливала остов, испещрённый дикими травами, призрачным, мертвенным сиянием. Алиса подняла глаза к небу.

— Ну, — нарушил молчание Тим, и голос его в этой кромешной тишине прозвучал интимно, — и что ты думаешь? Про мою речь. Проект, архив, «было — стало». Я же видел: ты слушала. Только молчала. Почему?

Алиса помедлила, протирая лицо от жара, пытаясь сбить его словно маску в уличном спектакле.

— Речь была неплохая, — сказала она наконец, и слова прозвучали медленно, словно она вытягивала их из себя по одному. — Куда лучше идеи, которая не несёт в себе ничего полезного.

Тим хмыкнул. Она не видела, но почувствовала его оценивающую улыбку.

— А что, по-твоему, было бы полезным? — спросил он без вызова.

— Выехать в Россию, — ответила она, ожидая всплеска реакции Тима. Была тишина, глубокая и тёмная. — Из этого места. Насовсем.

Тим чуть замедлился. Она чувствовала его изучающий взгляд, пока глаза провожали пыльные дорожки, упирающиеся в забор.

— Не нравится тут? — спросил он осторожно, и она услышала в его голосе узнавание. — Ты ведь всю жизнь здесь прожила. Здесь твои улицы, люди, воздух, самый грязный на планете, есть чем гордиться. Здесь всё знакомое, всё понятное. Что не так?

Она наконец повернулась к нему. В лунном свете лицо её казалось почти прозрачным, а глаза тёмными провалами, в которых отражалось беззвёздное небо.

— В Россию тянет, — сказала она просто, и это прозвучало как исповедь. — Понимаешь? Тянет. Как гравитация, чёрт бы её побрал. Притяжение просто есть и всё.

— Почему? — спросил он почти шёпотом, и в этом «почему» ей почудилось что-то очень личное, очень важное. Словно он спрашивал себя.

Она опустила глаза. Под ногами хрустнуло битое стекло — кто-то когда-то разбил здесь бутылку, и осколки так и лежали, никому не важные.

— Сложный вопрос, Тим, — сказала она. — Очень сложный. Знаешь, мама и папа уже здесь родились. Мамина мама вообще родилась в поезде, представляешь? В душном, трясущемся вагоне, где-то между чем-то и Фрунзе. Её везли сюда, в эти степи с бетонными коробками. Она не выбрала эту землю. И мама не выбирала. И я не выбирала. Мы все здесь по исторической необходимости. И я не могу сказать, что это место мне родное. Язык не поворачивается. Понимаешь?

Тим молчал. Только смотрел на неё. В глазах его, Алисе почудилось что-то похожее на понимание.

— Мигрировать, — произнёс он медленно, пробуя слово на вкус, — да, было бы хорошо. Поколение мигрантов СНГ, не репатриантов, возвращается на историческую родину. Звучит почти как заголовок. Как повесть, которую кто-то должен написать.

— Грустная повесть, — отрезала она. — Россия, из которой выехали мои предки, её больше нет. Она растворилась. Осталась только на старых фотографиях, книгах, песнях, мотивах которых знают единицы. А по Шпенглеру — ты читал Шпенглера?

— Нет, — признался он.

— И не читай, — усмехнулась она невесело. — Тошно станет. Он говорит, что от культур остаётся только цивилизация, но ведь русская даже до первого этапа не дошла, сгинула. Бесконечно наполняемый чужими культурами фон и пустота внутри. Оболочка без души. Механизм без сердца. Вот это и есть нынешняя Россия. Мы едем туда, Тим. Ты и я. Ты ведь поступаешь в Россию?

— Да, — ответил он твёрдо, без колебаний. — Это точно.

— Ну вот, — она развела руками в беспомощном детском жесте. — Мы с тобой странные мигранты. Нас будут называть казахами, киргизами, таджиками. Кем угодно, но не русскими. Мы придём туда вместе с другими, с настоящими иностранцами. Только им есть что принести с собой: язык, еду, запахи, мотивы песен в культурном суррогате. А нам с тобой даже этого не принести. У нас с тобой нет ничего своего. Мы — пустые оболочки с европейской моралью из Средней Азии. Мы не можем обогатить страну, из которой когда-то вышли наши предки. Её обогатят другие неким подобием культурного марксизма. А мы окажемся в бесконечно чужом, но бесконечно родном месте. И будем стоять там и смотреть по сторонам, как потерянные. Понимаешь?

Она замолчала. Голос её сорвался на последнем слове.

Тим долго молчал. Потом шагнул осторожно, словно боялся спугнуть и заговорил.

— Остаётся довольствоваться землёй, — сказал он.

— Землёй?

— Да. Не страной. Не культурой. Не нацией. Не великой идеей или исторической миссией. Просто землёй, которая под ногами здесь и сейчас, с пылью, бетоном, чахлыми деревьями и ржавыми заборами. Она ведь тоже наша, Алиса. Даже если мы её не выбирали. Даже если она выбрала нас по чьей-то дурацкой ошибке. Планета единственное что у нас есть, так почему бы не назваться господами земного шара и не лететь в расширяющуюся вселенной на солнце, готовящемся раздуться и поглотить планеты земных групп, прежде чем эволюционировать в белого карлика.

Алиса подняла на него глаза. В лунном свете его лицо было ещё красивее.

— Может, ты и прав, — сказала она тихо. — Может, и прав. Только от этого не легче.

— А никто не обещал, что будет легче, — ответил он, и губы его тронула тень улыбки, какой-то слишком взрослой и усталой. — Жизнь вообще не про «легче» или «правильно». Она про «как-нибудь». Так что, почему бы не погулять по хорошим дорогам, даже если они пусты?

День четвёртый

1.

После школы Алиса зашла в магазин. С весны из него не выветрился запах жжёной арчи. Неизменная семья продавцов обслуживала несколько покупателей одновременно, Алису и бабушку, медлительно выбирающую с чем сегодня она собирается запивать лепёшки. Алиса засматривалась на полки с конфетами на развес, хотелось коровку или сумасшедшую пчёлку с яблочным вкусом в придачу к пяти буханкам серого хлеба. Алиса заметила, что за ней через окно наблюдает Лера. Она пританцовывала на месте, явно предвкушая вечер, и вытащив подходящую Алису из дверного, радостно замахала завитыми хвостиками.

— Ну наконец-то! Мы уж думали, ты там навечно спряталась за бабкой!

— Я тоже рада тебя видеть, — усмехнулась Алиса. — Ты сегодня прямо с обложки. Прямо Дуняша, спустившаяся с обрыва.

— Ой, да ладно тебе, — отмахнулась Лера, но было видно, что комплимент ей приятен. Она довольно натянула красный берет на уши и, прихлопнув его ладонью для верности, скормандовала: — Пошли, пошли, чего стоим!

— Синенькая юбочка, ленточка в косе... — затащила Алиса.

Голос у неё был не то чтобы певческий.

Лера шла рядом, уставившись в телефон, но поддерживая неуверенным продолжением.

— Кто не знает Любочку? Любу знают все...

Их голоса сплелись, а когда куплет был допет повисла неловкая пауза.

— Слушай, — Алиса покосилась на Леру, засовывая руки в карманы, — а Зайцев придёт?

Лера ответила не сразу. Она поправила ляжку рюкзака, посмотрела куда-то в сторону и только потом сказала:

— Не может. Семейные дела. — без спотыканий или запинок отчеканила Лера.

Алиса прекрасно знала, что Лера не стала сообщать Зайцеву о их плане по празднованию.

— Ну, семейные так семейные, — сказала она вслух, а про себя подумала: «Какие у него семейные дела? Отец? Или просто не хочешь, чтобы он приходил? Или...» — но не додумала, потому что Лера уже переключилась на другую тему с скоростью переключения канала во время рекламы

— Макс обещал принести вино, — Лера подмигнула и сделала жест, будто опрокидывает невидимую рюмку. — Так что будет весело. Может, даже сегодня великая Алиса таки вскроет ухажёра, как бутылку шампанского.

Алиса чуть покраснела. Это произошло предательски, кровь прилила к щекам раньше, чем мозг успел дать команду «не реагируй на провокацию». Уши загорелись отдельно, независимо от щёк, и в этот момент Алиса ненавидела свою физиологию.

— Да нет... — пробормотала она, понимая, что чем больше отрицаешь, тем более это очевиднее. — Как... Я вообще не...

— Либе либе, — пропела Лера, и её рука описала в воздухе какое-то круговое движение — не то сердце, не то знак бесконечности, в духе «сама знаешь». — Аморе, аморе. Либе либе. Любовь.

Круговое движение всё продолжалось. Оно затягивало в себя: Лерина рука, её улыбка с ямочкой, дурацкое «либе либе», вечерний двор, песня про Любочку, которая всё ещё звенела в черепной коробке, и Тим с ящиком клубники и нежное обозначение её, как он до этого никогда не делал.

— Аморе, — повторила Лера уже тише, почти шёпотом, и её рука наконец остановилась. — Не дрейфь, подруга. Всё будет.

У дверей дедовой квартиры Алиса, незаметно для Леры, передала ключи Тиму, а сама отклонилась переодеться в, подходящее, как ей самой казалось, выпускное платье безумно чёрного цвета, держащегося на тоненьких лямках, расшитое на уровне груди блестящим бисером.

Тусовка началась, не дожидаясь её прихода. Горела колонка, переливающаяся разными цветами и из неё полились ритмичные басы, заставляющие стены дрожать. Максим и Том уже откупорили вино и разлили его по пластиковым стаканчикам.

Лера тем временем установила камеру на штатив и, прищурившись, начала прикидывать место для съёмок. Она двигалась по зале в полумраке зашторенных окон с бутылкой в руке, Алиса невольно залюбовалась ею.

— Здесь свет падает хорошо, — бормотала Лера себе под нос, — а здесь — тень густая... Надо контровой поставить... Максим, подвинься, ты мне весь кадр загородил своей головой! У тебя голова, конечно, выдающаяся, но не настолько же!

— Это ты ещё моего папашу не видела, — парировал Максим, и все заржали.

Алиса с Тимом устроились на полу с видом скульпторов-монументалистов, вынимали мякиш из хлеба. Булка за булкой, мягкая, податливая субстанция собиралась в большую миску, а потом, под руководством Вари они принялись прессовать её в форму. На первый взгляд получившийся бюст был средним лицом пожилого человека, но при наложении дополнительных вкладок появлялись черты: высокий лоб, хитрый прищур, козлиная борода.

— Слушай, — сказала Алиса, отступая на шаг и оценивая результат, — это же вылитый...

— Ленин, — закончила за неё Лера и вдруг захихикала почти по-детски. — Похож конечно, только из хлеба. Вождь мирового пролетариата, восставший из булок.

Бюст из мякиша вращался на импровизированном пьедестале, падал, поднимался, трансформировался с каждым кадром, Варя, пристроившаяся рядом с вождём, старательно поправляла фигурку после нового щелчка, стараясь получить животрепещущую картину трансформации в безликую чернильницу.

— Чуть левее, — командовала Алиса. — Теперь руку картонную добавляем. Пусть указывает путь в светлое будущее.

Когда первая бутылка вина была допита, компания на веселе шатаясь разогретой походкой. Протяжённые и около культурные диалоги плыли из комнаты в комнату, как сигаретный дым: густые, витиеватые, полные умных слов, которые на трезвую голову никто бы не рискнул произнести вслух. Алиса слышала их отголоски — обрывки фраз про «дискурс», «пост-иронию», «метамодерн», — но не вслушивалась, потому что Лера увела её в соседнюю комнату.

Лера прикрыла дверь, оставив щёлку, в которую сочился жёлтый свет из коридора, и привалилась спиной к шкафу. Берет она уже потеряла, волосы растрепались, но глаза смотрели трезво и цепко, она пила ровно столько, чтобы стать собой, не переставая себя контролировать.

— Короче, — сказала она без предисловий, — план у меня был такой. Пододвинуть тебя к Тиму.

Алиса моргнула. Один раз. Потом второй. Слова не долетали, требовалось время, чтобы их рассортировать.

— Ну, я вижу, — Лера пожала плечами, будто говорила о чём-то само собой разумеющимся, вроде прогноза погоды. — Все видят, как ты на него смотришь. Да и он сам, по сути, не против. Я же не слепая. Ты смотришь на него, как на чудо. Но играть в бутылочку при Варе? — Лера покачала головой. — Она ж мелкая. Ей четырнадцать, ладно, пол стакана выпила и лицо скусила. Но целоваться, как-то... непедagogично. А вот в правду или желание — уже куда терпимее. И будет получше. Попроще. Без этого вот цирка с крутящейся бутылкой и всеобщим ржанием, каким я задумывала изначально.

Она сделала паузу перед самым важным словом в предложении.

— Я это всё, собственно, к чему. Ты мне скажи: тебе заказывать танец с Тимом или нет?

Алиса хлопала глазами. Это было единственное, на что она сейчас была способна: хлопать глазами, дурацкой сломанной куклой, оставляющей внутри себя хриплое «мама, мамочка».

— Нет, — выдохнула она. — Нет, конечно нет. Не делай так. Не при всех. Не хочу такого.

Слова вырвались раньше, чем мозг успел их утвердить. Они были правильными и трусливыми.

— Ну, как скажешь, — Лера пожала плечами и выскользнула обратно в комнату, оставив за собой только шлейф духов перевешанных с спиртовой вытяжкой и лёгкое разочарование, которое, впрочем, могло Алисе просто померещиться.

Алиса стояла и думала.

«А почему нет? Почему? Вот так, просто: три буквы, одно слово, а за ним пропасть не случившегося. Почему сказала нет? Потому что страшно? Потому что стыдно? Потому что где-то внутри сидит та самая аристократическая брезгливость, которая даже не смотрит в сторону счастья, если счастье предлагают при свидетелях? Дура, дура, дура.»

В комнате уже шёл кон правды или действия.

Круг сидел на полу, на разбросанных подушках. Посередине, как алтарь, стояла пустая бутылка из-под вина, служившая инструментом судьбы и первопричиной последующего обстоятельного хаоса. Очередность двигалась медленно, как ленивая карусель: вот Максим выбрал правду и теперь с умным видом рассказывал что-то про свой первый проект, пока Лера заглядывала ему в рот, Варя выбрала действие и под общий хохот изображала пингвина, несущего в лапах яйцо.

Потом очередь дошла до Тома.

— Действие, — сказал он.

— Поцелуй с Алисой! — выпалила она, и её глаза загорелись невинно-садистским огнём в глазах, смотрящих на жука с оторванными лапками.

Алиса медленно повернулась к Тому. Он сидел на подушке, большой, нескладный, и смотрел на Алису, поражённую коварством подруги.

Алиса, откланиваясь, попыталась подать ему руку, мол, давай сделаем это быстро, товарищески, никто не пострадает, кроме гордости. Но Том не оценил. Он потянулся к её щеке, а она, вовремя отвернувшись, прижала ладонь ко рту и изобразила рвотные позывы.

Комната взорвалась хохотом. Алиса выдохнула и, пользуясь моментом, перенаправила вопрос Максиму. Ей было уже откровенно всё равно на игру. Она сидела, обхватив колени, и смотрела на хихикающую в кулачок Леру.

Лера сидела напротив, наконец, спустя четыре стакана, алкоголь взял верх. Она переводила взгляд то на окно, за которым ещё не стемнело, то на Алису. То на окно. То на Алису. И по этой траектории Алиса поняла: что-то будет. Что-то, чего она не заказывала, но что Лера всё-таки решила исполнить по собственному желанию.

Заиграла песня. Группа «АлисА».

«Ну конечно, кто бы сомневался, что в плей-листе Леры, составленном специально под вечер, найдётся место для этого».

Лера похихикивала, поглядывая на подругу поверх пластиковых стенок.

Алиса демонстративно закатила глаза так, что зрачки чуть не увидели испещрённый трещинками мозг.

— В чём дело? — спросила Варя, которая всё ещё не понимала, почему её блестящий план с поцелуем провалился, а теперь ещё и какие-то непонятные переглядки.

— Да непонятно, — Алиса вздохнула. — То ли зигу кидать, то ли креститься начинать.

Варя ничего не поняла и открыла рот, чтобы спросить, но передумала и просто махнула рукой.

Песня сменилась. Теперь звучала Людмила Гурченко и Лера, которая, ждала этого момента, театрально отыгрывала. Она фокусировала внимание на строчке «что мешают спать», растягивая гласные, прижимала ладонь к груди, и в этом жесте с придыханием, было столько интимности, что Алиса засмущалась. Ассоциации лезли в голову тёплыми октябрьскими

мухами. Ей казалось, что Лера поёт только для одного человека в их компании, Максима, и от этого становилось противно.

Неожиданно со стороны Тима она увидела протянутую руку. Это произошло так быстро, что Алиса не заметила, когда он встал с колен. Его ладонь была раскрыта.

— Потанцуем?

Алиса встала. Ноги работали, через ватную прослойку. И вот она уже стоит напротив Тима, его рука осторожно висит около её талии с зазор в несколько сантиметров.

Песня снова сменилась, та же Гурченко, но «Московские окна». Толстые пальцы басиста задёрнули струны в глубине записи. Комната поплыла. Алиса старалась не отдавить ноги Тиму, но безуспешно. Она не умела и не любила танцевать — всегда чувствовала себя негнущейся, но из-за подвешенности к Тиму, она не чувствовала на себе чужих взглядов, словно они были заключены в прозрачный шар, где весь остальной мир, как бы вытеснялся со своими глупостями, ёрничеством и мелким предательством во славу смеха.

Промежуток между его рукой и её талией сокращался и готов был достигнуть предела, а тем временем уже встала и Лера. Она привлекла Максима к танцу, взяла его за руку властно и закружила по комнате. Лера танцевала куда лучше Алисы: она выкручивала, наворачивала, падала в какие-то немыслимые пируэты, будто гравитация делала для неё исключение. Том постеснялся танцевать с Варей. Он вообще застенялся всего на свете, а после её удара по руке вовсе забился в угол.

Танец кончился в момент, когда Лера, уже изрядно подрастерявшая координацию, но не растерявшая амбиций, попыталась прильнуть к плечу Максима, а тот увернувшийся от более сотни прошлых попыток до этого, сделал полшага назад и перехватил её за локоть, превращая потенциал в жест вежливой заботы. «Осторожно, тут провод», — сказал он, хотя никакого провода на полу не было. Лера фыркнула. Танец растворился в воздухе.

Алиса плыла. Комната качалась в жёлтом свете лампы, смешанному с клонящимся к закату солнцу.

Разговоры пришли к коллекции деда, заботливо расставленной вокруг собравшихся на всех поверхностях.

— Концепция, безусловно, была отличной, — говорил Максим чуть снисходительно, — Но вот объём работы явно нам не по плечу. Вы, ребята, молодцы, спору нет, энтузиазм — это прекрасно. Но альбомов нереально много. И это, я так понимаю, только вершина айсберга. А под водой ещё сотня историй. И каждую нужно оцифровать, атрибутировать, вписать в контекст. Это эпос. Однако, — Максим откинулся на спинку дивана, — смотря на всё это, мне в голову приходит кое-что. Эту же историю — можно раскрыть и без фотографий. Фотографии, они же как... как довесок к концепции. Понимаешь? Они иллюстрация. А концепция она сама по себе. Она либо работает, либо нет.

Он почесал подбородок.

— Вот смотри. Возьми Ренессанс. Там что? Там каждая картина — это целый мир. Перспектива, светотень, анатомия, аллегии. Ты смотришь на «Тайную вечерю» — и тебе нужно знать, кто такой Иуда, что такое Троица, почему именно тринадцать человек за столом. Это пафос раскрытия. Это сложно. А возьми Малевича. «Чёрный квадрат». Всё. Тот же пафос, тот же эффект, а квадрат — проще. Понимаете, о чём я? Смысл выделяться? — Максим развёл руками. — Смысл городить все эти альбомы, сканы, архивы, когда можно сделать проще, чище, концептуальнее? Квадрат. Метафора дома. Метафора жильцов. И всё. Без фотографий.

Он сделал паузу, чтобы отхлебнуть из бокала.

— Да и поработать с дедом вы всё ещё можете. Бесплатно. И отдельно. Так что ничего вы не теряете. Я от проекта не отказываюсь — я предлагаю его переосмыслить. Сделать легче. Воздушнее. Без вот этого вот музейного груза. И без сложной работы с автором, которого я конечно уважаю.

Алиса слушала, на уровне солнечного сплетения у неё зарождалось чувство непримиримого отказа, на который, ей было в большинстве своём всё равно.

Лера чуть опечалено сидела за столом и рассматривала фотографии в альбоме, вытирая испарину с шеи тонким жёлтым платком в горошек. На её голове снова высился берет. В стороне стояла третья, недопитая бутылка.

— Да жили не богато... — протянула она, водя пальцем по пожелтевшему снимку. — Ты посмотри, такое платье прилично стоило, даже если только ткань. Закупалась, видимо, специально под праздник. Вон, видишь, плов горой с лепёшками, бешбармак, пиалы не банальные. А сидит платье плохо. И фасон у него странный.

Она перевернула страницу. Ещё одна. Ещё.

— На Зингере, наверное, сама сделала, — хмыкнула она, тыкая в фотографию, где женщина с неестественно прямой спиной стояла у стола, ломящегося от угощений.

— Ну а откуда идея такая одеваться вот так? — Лера обвела рукой снимок, будто приглашая всех присутствующих в свидетели. — Они ходили в чём? Боже, а в чём они действительно ходили? В войлоке? Ну допустим. А тут, вот это. Чуждая, абсолютно навязанная концепция. И ты понимаешь вообще, что? — она подняла глаза на Максима, который кивал с видом человека, давно всё понявшего, хотя на самом деле думал о том, не пора ли открыть вторую бутылку. — Это только материальное доказательство ментальной гимнастики. Глобализм растворил культуру. Прекрасную культурную идентичность. Взял и растворил. Как сахар в чае. Был сахар, чпок, и нет сахара. Одна сладость, происхождения которой уже не разобрать.

— Лер, может, тебе хватит уже? — осторожно вставил Тим, покосившись на её бокал.

— Да ты послушай! — Лера отмахнулась от него, как от назойливой мухи. — Вот. Алис. Алиса, подойди. Объясни Максиму и Тому об этом. Вы, ребята, много узнаете. Алиса шарит капец как.

Алиса не двинулась с места. Она стояла, прислонившись плечом к дверному косяку, и смотрела на Леру с чувством: вроде бы и хочешь отдёргнуть, но понимаешь, что человек уже летит в бездну.

— Но сейчас вот послушай меня, — Лера перевела дыхание и выставила указательный палец — Мы творим. Всё это наше творчество. И оно — совсем не в ту сторону. Это игрушка. Игрушка предрассудков, любых предрассудков. Нам нужно...

Она запыхалась. Грудь её вздымалась, берет окончательно сполз на ухо, и теперь она была похожа на французского художника, который только что проиграл в карты последний франк.

— Нам необходимо вернуть в дискурс искусство-центризм, — продолжила она, чуть отдышавшись, и слова теперь текли медленнее, тяжелее, будто каждое из них весило по килограмму. — Отвести его в сторону от политики. Насколько это вообще возможно. Уйти в пустыню. В пустыню от мифического мышления. От мифопоклонства, когда люди пишут идиотскую книгу, беря в основу что-то, без чего она — обычное, безыдейное, безвкусное... — она на секунду запнулась, подбирая слово, — ...говно.

Том чуть заметно отодвинулся от неё.

— Если мы все уйдём в пустыню и успокоимся, — Лера не заметила его манёвра или сделала вид, что не заметила, — то всё восстановится. И появится новое. Люди должны промедитировать. С спокойной и чистой от эмоций душой. Промедитировать культуру. И направить её в вечность. Сидеть над черепками. И лепить дальше. Пока не закончится форма.

Она замолчала. На этот раз пауза была длиннее. В комнате молчали все и только музыка играла, не меняя усыпляющего настроения. Максим, слегка поддатый, смотрел на шею Леры. Том смотрел куда-то в угол, где, возможно, обитало спасение.

— Хотя не слушай Алису, — вдруг сказала Лера, и голос её изменился: стал тише, но острее, как нож, который только что наточили. — Что она, что другие — цепляются, цепляются, цепляются за старое. Утопают в вине. В горе. В жалости. Прости, Алиса, но это так.

Алиса попросила Тима встать, и сама уселась рядом с Лерой теребя её за плечо с просьбами успокоиться, а мама поглядывала на коричневую бутылку, нависающую над альбомами.

— Но какая это жалость? — Лера повернулась к ней, и в её глазах блеснуло что-то — не то слёзы, не то просто отблеск жёлтого света. — Просто сидишь и скорбишь. Не называя. И думаешь, будто от этого что-то... нет. Не надеешься, что что-то будет. Это вообще кошмар.

Она стукнула ладонью по столу и альбомы подпрыгнули, не опрокинув бутылки. Алиса подставила под низ стола ногу, так, чтобы его можно было перевернуть в любой момент.

— Нужно заявлять и... Сидеть и делать. Сидеть и делать.

На альбомы упал Лерин берет, точно красный гриб. Остановить её сейчас мог бы только пожар.

— Нельзя доверять искусство и культуру выживальщикам, — сказала она, и слово «выживальщики» выплыло из её рта, как диковинная рыба, которую никто не звал, но которая приплыла сама. — Они никогда ею не интересовались. Понимаете? Ни-ко-гда. Искусство для них — это что-то между «можно это съесть?» и «сколько это стоит?». Всё. Других категорий нет.

Она обвела комнату взглядом, проверяя, все ли прониклись. Максим кивал с умным видом. Том смотрел на неё с тем же выражением, с каким смотрят на внезапно заговорившую мебель: вроде бы интересно, но немного жутковато. Алиса не двигалась.

— Никто в здравом уме не отправит с ровной душой человека работать нищим, — Лера рубанула ладонью воздух, и берет на столе чуть подпрыгнул. — Никто. Это социальное самоубийство. Это как сказать ребёнку: «Иди, доченька, учись на поэта, будешь жить в подвале и питаться святым духом». Нормальные родители так не говорят. Нормальные родители говорят: «Иди в экономический». Или в юридический. Или в нефтегазовый. Куда угодно, лишь бы не в искусство. И это не их вина. Это система. Система, в которой культура — это придаток. Довесок. Бантик на коробке с настоящей жизнью.

Она перевела дыхание и глотнула вина.

— И теперь... теперь. — Лера понизила голос, и все невольно подались вперёд, даже Алиса чуть отлипла от косяка. — Задумайтесь. Ведь культурой сегодня могут заниматься серьёзно только леваки. Потому что они уже нищие. Им нечего терять. Они уже там — в подвале, на святом духе, с томиком Маркса под головой. У них стартовые условия — дно. И вот с этого дна они и творят. Потому что снизу падать некуда. А нормальный человек с ипотекой и кредитной машиной — он не может себе позволить роскошь настоящего искусства. Он будет делать то, что продаётся. То, что покупают. То, на что есть спрос. А спрос — это не искусство. Спрос — это рынок.

Она ненадолго замолчала и встала с места, проходя в пространство между столом и книжным шкафом.

— И вот в этом я вижу что-то, — сказала Лера тише, почти шёпотом. — Необходим компромисс...

Алиса смотрела на неё и думала: «Компромисс ещё одна форма самообмана. Сложнее, чем пустыня с черепком и вставшим над ними бедуином. Потому что компромисс это не про «мы все немножко неправы, но давайте попробуем вместе», а «я слишком слаб доказывать обратное», особенно когда в голове звенят дурацкие песни со стихами».

— Ва-а-аря! — голос Леры взрезал комнату. — Наведи камеру! Живо!

Варя ухватившись за камеру дёрнулась. Лера уже стояла посреди комнаты — босая, расчёпанная, с платком в горло.

— Значит, смотри, — она ткнула пальцем в сторону Вари. — Вот эту кнопку нажимаешь, когда я кивну. Нет, не эту. Красную. Красную, говорю! Ты что, ни разу не снимала? Господи, Варь, ты как в пещере живёшь. Вот эту. И держи ровно. Если затрясётся — убью.

— Лер, может, не надо? — Том попытался вклинить в этот поток, но был отмечён одним движением брови.

— Лер, ну правда, — подала голос Варя, не горевшая желанием становиться оператором-добровольцем. — Может, Алису попросим? Она ж фотограф. У неё рука твёрдая.

— Али-иса! — Лера повернулась к ней, и в этом повороте было что-то от флюгера, который резко сменил направление под порывом ветра. — Алиса, ну давай ты! У тебя же глаз намётан. Ты снимешь так, как никто не снимет. Ты же видишь то, чего другие не видят.

Алиса бесформенно сидела, изображая усталость. Не хотелось быть частью этого внезапного, нелепого, пьяного перформанса, который Лера, придумала только что и теперь пыталась натянуть на реальность. Она прикрыла глаза и обмякла, чуть сползла по спинке.

— Ну и ладно, — фыркнула Лера. — Варя, дуй сюда. Не дрейфь. Поехали.

Том, который всё это время стоял у выключателя, заморгал лампочкой от красного абажура. Выключил. Включил. Красный свет пытался убежать от такта музыки. Комната погрузилась в полумрак, расцвеченный пульсирующим алым и тонкими лучами от колонок — синими, зелёными, фиолетовыми, которые обволокли тело Леры.

Лера стояла посреди комнаты с закрытыми глазами. Платок свисал с её запястья, касаясь пола. Лицо было отрешённым, почти иконописным, без следа пьяного задора. Она начала танцевать.

Сначала едва уловимо. Словно пробуя воздух на вкус кончиками пальцев. Платок взлетал и опадал. Бёдра качнулись, раз, другой, в ритуальном движении пустынной культуры, постепенно прибавляя амплитуду. Руки взлетали к потолку, пытались пробить его и дотянуться до неба. Ноги чертили по полу сложные фигуры, деградирующие до точки смерча.

И, наконец, сальто. Лера взвилась в воздух, перевернулась, и подол её юбки мелькнул синей молнией.

Алиса, с полной осознанностью, ударила стол ногой во время Лериного приземления.

Бутылка, поставленная Лерой рядом с альбомами, покачнулась, описав в воздухе короткую, безупречную в своей трагичности дугу.

Чёрная, в красном свете, свете жидкость выплеснулась на альбом.

Лера, до этого грациозная и невесомая, вскрикнула и рухнула на бок, запутавшись в собственных ногах. Ахнула Варя, прижав ладони ко рту. Замер Максим. Замер Том.

Тим сорвался с места. Его рука метнулась вперёд, схватила альбом с багровым разворотом, он бросился в ванную. Хлопнула дверь. Зашумела вода. Лера нервно смеялась.

— И что же теперь? — спросила Лера, и голос её, ещё минуту назад звонкий и уверенный, прозвучал почти жалобно.

Никто не ответил.

Алиса мгновенно пошла в ванную быстрыми и решительными шагами, чувствуя, как сердце колотится в горле, перекрывая дыхание. Она приоткрыла дверь в ванную, и увидела, как Тим склонился над альбомом, поливая вынутые из фотографии водой.

Взглянув и не признав Алисиных глаз в щелке двери, он вздрогнул, а когда понял кто на него смотрит, посмотрел на неё заговорщически:

— Не получается оттереть.

— Не важно, — ответила она тихо.

Но когда она выходила из ванной обратно в коридор, её накрыло, потому что сейчас ей предстояло выйти ко всем со словами «ах, что же произошло, не получилось». Она пыталась придумать что-то проще: покачать головой, просто сказать «не оттирается», но каждая из этих фраз была фальшивой. Первая поднимала внутри ужасную тревогу с чёрной тоской, от которой хотелось лечь на пол и не вставать. Вторая панику, из-за которой остальные полезли бы пялиться в альбом, разглядывать, искать следы, задавать вопросы, на которые у неё не было ответов.

Ей помог Тим. Он вышел из ванной, держа в руках мокрый, перепачканный альбом, и, не глядя ни на кого, тихо, но твёрдо указал на дверь:

— Уходите. Разберёмся позже.

Первыми вышли Том и Максим, переглядываясь и пожимая плечами, Максим пообещал проводить Леру до дома.

Варя уже натягивала кофту, лицо её было бледным, встревоженным, устремлённым к чёрной фигурке Алисы, заслонявшей своим телом камеру, из-которой она вынимала карту памяти, постояв так немного, она собрала оборудование и передала его Вара, а та, растворилась в суёте стука сумки о перила лестницы.

Алиса стояла посреди опустевшей комнаты и вдруг, словно прозрев, повторяла про себя: «Я подставила Леру. Я подставила Леру. Я подставила Леру». И от этих слов внутри неё поднималось мутное, тёмное, почти неузнаваемое чувство, зажигающее во тьме слабые огоньки удовлетворения. Словно она сделала что-то единственно возможное в амплу петрушки встретившего смерть и воскресшего.

Она наводила порядок с Тимом. Собирали бутылки, вытирали разлитое вино. Тим пытался с ней заговорить, она видела, как он открывает рот в попытке подбора слов, но её атаковал приступ смеха, схожего с Лериным. Лицо её свело, губы разъехались в улыбке. Плечи её тряслись.

Она сжала ключи в руках выходя из квартиры. За спиной послышались шаги, Тим приближался.

— Алиса, — позвал он тихо, почти умоляюще.

Он подошёл ближе, она чувствовала его тепло спиной, слышала его дыхание, и чувствовала попытку обнять. Осторожно, неуверенно, словно боялся, что она рассыплется от прикосновения.

Она растворилась в темноте проёма собственной квартиры. Дверь закрылась. Щёлкнул замок.

Тим остался на лестничной клетке один. Алиса, прижавшись спиной к холодной двери с внутренней стороны, сползла вниз. В ладони она всё ещё сжимала ключи — и карту памяти, тёплую, почти живую. Она закрыла глаза. И сопение спящей матери обняло её крепче, чем только что обнимал Тим.

День пятый

1.

Школьный день был на удивление спокойным, уроки шли своим чередом, учителя не дёргали, одноклассники не цепляли, и Алиса уже почти позволила себе расслабиться, как вдруг увидела в окне маленького, сухой, похожий на старого ворона, в тёмном пальто, деда. Позади него, неестественно прямой и бледный, переминался с ноги на ногу Зайцев. Вид у него был затравленный, но одновременно решительный, словно он уже знал, что сейчас произойдёт, и внутренне к этому приготовился. Охранник преграждал деду путь, а тот, размахивая клюкой, требовал немедленно пропустить его к завучу, для показательной казни. Представитель школы, в лице усталого дяденьки, поначалу держала оборону, но дед был непоколебим: он достал какие-то бумаги, удостоверение, надавил на живот охранника и вскоре, организовавшаяся по первому звонку, процессия — Порфирий, Зайцев и Александра Александровна, вызванная с урока, переместилась в методический кабинет.

Алису не вызвали. После урока, она стояла у методического кабинета и подслушивала отрывки длинного монолога деда, заглушаемого рёвом начальных классов.

Порфирий говорил громко, почти кричал, и слова его, злые, летели в Зайцева: «Обманщик!», «Влез в чужую квартиру!», «Я тебя, щенка, к себе пустил, а ты что устроил?! Альбом мой испортил, я его десятилетиями собирал! Да ты хоть понимаешь, что ты натворил?!» Зайцев молчал. Алиса почти чувствовала, как внутри неё самой всё сжимается в тугую, болезнен-

ный узел. Александра Александровна пыталась вставить слово, смягчить ситуацию, но дед не слушал никого, требуя понести ответственность, чтобы школа, родители, все узнали, что произошло.

И в момент, когда дед уже перешёл на личности и начал упоминать Алису, Зайцев сказал.

— Это я, — сказал он тихо, но отчётливо, и в наступившей тишине его голос прозвучал как выстрел. — Я испортил альбом. Алиса здесь ни при чём.

Алиса замерла. Он врал так, что на душе Алисы стало невероятно спокойно, даже с пониманием того, что Зайцев больше никогда не захочет её видеть.

— Зачем? Зачем, скажи мне, ты это сделал? Я не пойму, по что?

— Случайно...

Порфирий опешил и на мгновение замолчал, а потом снова взорвался в компании Александры Александровны. Зайцева ругали, стыдили, грозили вызовом отца в школу. Но он молчал.

Завуч, воспользовавшись паузой, пока дед переводил дыхание, наконец решила закруглять ситуацию. Она заверяла, что никто не останется безнаказанным, но и самосуд устраивать никто не позволит, пока Алиса за дверью прикладывала руку к улыбающемуся рту. Завуч выпроводила деда за дверь, когда Алиса была уже в противоположном от выхода, конце коридора, Порфирий рассерженно тряс головой и приговаривая что-то о неблагодарной молодёжи. Зайцев отдал ему ключ, дед, выхватив его, сунул в карман пальто и скрылся за дверью.

Алиса отправилась на урок, но едва она переступила порог класса, как на неё набросились одноклассники. Слухи уже просочились. «Слышала? Зайцев деда обманул! Хату вынес! Альбом испортил, всю квартиру разгромил!» — шептались на задних партах, и взгляды, косые, любопытные, жадные до чужой драмы, обращались к Алисе, как к главному свидетелю.

— Это же твой брат, да? — спрашивали её. — Ну расскажи! Что там стряслось? Правда, что он всё вынес? Правда, что дед его чуть не убил?

— Не знаю. Меня там не было. Я ничего не видела.

«Он взял на себя вину, ради девочки в синенькой юбочке, которой он не нужен.»

2.

Голодные зелёные хищники смотрели на Алису. В их неподвижности было больше угрозы, чем в ином движении тигра. Даже когда она концентрировала зрение на задачах, то кожей чувствовала их присутствие. Казалось, что в любой момент они могут выдохнуть весь кислород разом, высосать его из воздуха до последней молекулы, обрекая её на медленное, вязкое удушье. И если бы не пресловутый Зайцев, что сидит рядом с ней и томно вздыхает, то баланс исторгаемого из организма углекислого газа был бы нарушен. Но он дышал. Мерно. Тяжело. С присвистом.

Зайцев в отличие от Алисы, пытавшейся расщепить бесконечную последовательность резисторов, решал обыкновенные задачи на закон Ома. Те, что дают в начале учебника: простые цепи, два резистора, три провода. Но Зайцев не понимал. Он застыл над тетрадью, грыз колпачок ручки и шевелил губами в бубнении, пытаясь вызвать из небытия формулу, которая упорно не желала являться.

Алиса смотрела на него немного свысока.

«Как он может не помнить закон Ома? Это же элементарно: сила тока прямо пропорциональна напряжению и обратно пропорциональна сопротивлению. А правила Кирхгофа — с такими лаконичными формулировками, с такой изящной математической симметрией, что их в пору вышивать крестиком на подушках, их вообще забыть нельзя. Это как забыть алфавит».

Но Зайцев забыл. Он тупо смотрел на схему и вздыхал. Грудь его поднималась и опускалась, в этом движении было много механики завешанной заводными игрушками, пружинка Зайцева, до этого громко выбивавшая тарелками в его руках громоподобные звуки, ослабевала.

«Вот бы он не сделал никакой глупости.»

Александра Александровна оставила их ненадолго одних. Она вышла в коридор и говорила по телефону, её голос, приглушённый стеной и бесконечными листьями, долетал до комнаты обрывками: «Максим Максимович... да, я понимаю... конечно-конечно...»

Алиса наострила уши.

«Максим Максимович. Ну неужели, тот к которому клеилась Лера? Хотя — да нет, контактов не было никаких».

Находиться с Зайцевым рядом было не приятно и в какой-то степени совестно. Прошло всего пара часов с того момента, как честь Зайцева была унижена, а он всё ещё молчал в её присутствии. Ничего ей не говорил. Только вздыхал часто, и гасил нарастающий в груди гнев одёргиванием головы.

Лера к нему приходила, переминаясь с ноги на ногу, спрашивала, как у него дела, бесконечно возвращалась, не находила места.

Решение задачи пришло к Алисе крадучись. Бесконечная последовательность резисторов, ещё минуту назад бывшая хаосом, вдруг выстроилась в строчку. Сопротивления складывались, токи текли с лаконичными молитвами физиков прошлого, пазл наконец-то сложился.

Она дописала последнюю строчку и отодвинула тетрадь.

Александра Александровна склонилась над столом. Шаль похожая на бурые водоросли, заколыхалась. Она пробежала глазами по строчкам. Раз. Другой. Поджала губы.

— Всё верно, — сказала она наконец и уже в следующую секунду она повернулась к Зайцеву, и её лицо, только что бывшее спокойной гладью пруда, пошло рябью предвкушения.

— Ну-с, молодой человек. А вы что скажете?

Зайцев вздрогнул. Колпачок ручки, изгрызенный до состояния мочала, выпал изо рта и покатился по столу, оставляя мокрый след.

— Я... э-э... сила тока... прямо пропорциональна... э-э...

Он барахтался в ледяной воде формул, хватался за обломки определений, которые тут же уплывали, Александра Александровна наступала ледоколом, — и каждое её «а почему?», «а откуда?», «а если подумать?» загоняло его всё глубже, пока над поверхностью не остались одни только расширенные от ужаса глаза.

— Я, наверное, пойду, — сказала Алиса, поднимаясь.

Александра Александровна обернулась. Бордовая шаль качнулась, и кисти её звякнули.

— Уже?

— Устала. Лучше сейчас домой. — Слова выходили ровные, заранее заготовленные, как карточки с ответами на экзамене.

Зайцев бросил на неё взгляд, в котором смешались: благодарность с ужасом и ненавистью. Но Алиса уже не смотрела на него. Она собирала тетради, складывала ручки, и каждое движение было быстрым, точным, лишённым той медлительности, с какой обычно покидают место казни.

Её отпустили из зелёного ада в прокуренный подъезд.

За синими дверями подъезда её уже поджидал Тим.

Он стоял, прислонившись плечом к стене, в его позе было одновременно небрежное и напряжённое состояние. Одна нога согнута в колене, руки скрещены на груди, голова чуть наклонена — и только пальцы выбивали по предплечью нервный, сбивчивый ритм.

С момента в квартире прошло уже несколько дней, и Алиса не ответила ни на одно его сообщение. Не потому что не хотела. А потому что не знала как. Потому что каждое неотправленное слово набухало внутри влажной ватой, и от этого становилось только тяжелее. И вот теперь он стоял здесь, ждал, судя по всему, уже с полчаса, если не больше, и это наводило на не очень добрые мысли.

«Что он тут делает? Почему не позвонил? Может, что-то случилось? Может, с Лерой? Может, с Порфирием? Может, с проектом, который Максим переосмыслил до состояния невестомости?»

Но его расположенность говорила об обратном. Плечи расслаблены. Глаза спокойные. И улыбка тронула его губы в ту самую секунду, когда он её увидел.

— Алиса!

— Привет, — сказала она без особого энтузиазма. — Ты чего здесь?

— Тебя жду, — просто ответил он, отлипая от столба и пристраиваясь рядом. — Есть разговор.

Они пошли рядом. Тим молчал первые несколько шагов ожидая правильного момента.

— Я тут подумал, — начал он наконец, — о дедке. О его архиве. О том, что случилось вчера. Альбом испорчен. Репутация Зайцева тоже. Дед зол. Вся эта история она, знаешь ли, не просто неприятность. Это возможность.

— Возможность? — переспросила Алиса, и в голосе её прозвучала тень прежней колючести. — Для кого?

— Для тебя, — ответил он спокойно, не замечая её тона. — Смотри. Дед сейчас в ярости. Он считает, что его наследие уничтожено. Его труд всей жизни, его фотографии, его альбомы, всё это оказалось под угрозой из-за глупой вечеринки. Но что, если кто-то близкий, кто-то, кому он доверяет, — возьмётся за восстановление? Не просто вернёт всё как было, а сделает лучше. Оцифрует архив. Соберёт истории людей, запечатлённых на этих снимках. Организует проект, о котором мы говорили на заводе, помнишь?

Алиса понимала. С одной стороны — это было цинично. С другой — чертовски умно. С третьей — именно то, что ей сейчас было нужно.

— И ты предлагаешь мне это сделать, — сказала она медленно, не то спрашивая, не то утверждая. — Восстановить фотографии. Собрать материал. Стать героиней, которая спасла деда архив от уничтожения.

— Именно, — кивнул он. — И это ещё не всё. Посмотри на это под другим углом. Зайцев сейчас — главный козёл отпущения. Все думают, что это он всё испортил. Школа, дед, родители — все. Ты же была там. Ты знаешь, что на самом деле произошло. И ты можешь...

— Искупить его вину? — закончила она за него, и внутри у неё что-то дрогнуло. — Взять на себя восстановление альбома, помочь деду — и заодно показать всем, что Зайцев не такое уж чудовище? Что он раскаивается? Что он хочет всё исправить?

— Ну, — Тим усмехнулся, и усмешка эта вышла какой-то слишком лёгкой, слишком скользкой, — Зайцев тут вообще ни при чём. Это же Лера его подставила. Я просто подумал: вот ты, Алиса, чувствуешь себя виноватой — не перед дедом даже, а перед Лерой и Зайцевым. И вот тебе способ всё исправить. Красиво, правда? Ты восстанавливаешь архив, дед смягчается, Зайцев получает частичную реабилитацию, проект получает материал. Все в выигрыше.

Алиса остановилась. Она стояла посреди тротуара, глядя на Тима, не понимая, что ей чувствовать.

— Ты... — начала она и осеклась. — Ты понимаешь, — произнесла она тихо, почти шёпотом, — какой ты добрый?

— Я добрый? — спросил он невинно, и глаза его, ясные, светлые, смотрели на неё с почти детским простодушием.

— Очень добрый, — сказала она. — Я иногда просто не понимаю, как можно быть таким как ты.

— Я думаю, что ты понимаешь, — ответил он, и улыбка его стала чуть менее уверенной.

Алиса молчала. Внутри неё боролись два чувства. Одно — чистое, холодное бешенство от того, что её, как шахматного слона, передвинули на клетку другого цвета. Второе — странное, тёмное восхищение. Потому что он был прав, это действительно был выход. Потому что,

согласившись на его план, она действительно могла всё исправить — и перед дедом, и перед Зайцевым, заставив последнего проглотить обиду с показушным самопожертвованием во имя Леры.

— Хорошо, — сказала она наконец, и голос её прозвучал ровно, почти бесцветно. — Я согласна.

— Хорошо, — кивнул Тим, и улыбка его снова стала прежней — уверенной, лёгкой, чуть насмешливой. — Я в этом и не сомневался, ведь, это на самом деле была твоя идея с проектом, и я нахожу её очень важной, а Максим нам всё портил, возможно ради Леры, но не важно. И... ну, сложно сейчас об этом говорить, слова затеряются в потоке, потом, потом тебе скажу.

Они пошли дальше. Алиса смотрела под ноги, на лужи, в которых отражалось небо, и думала о том, что только что заключила сделку с дьяволом. Адски обаятельным, чертовски умным дьяволом, который носит водолазку и улыбается так, что хочется ему верить.

Добравшись до подъезда, они поднялись на четвёртый этаж, и Алиса чувствовала, как с каждым шагом внутри неё нарастает глухое, тянущее беспокойство. Это было похоже на то, как в детстве она шла к зубному — ещё ничего не случилось, но сам запах коридора, свет лампы над дверью уже вызывали тошнотворное предчувствие здоровенных клещей и бура. Тим шагал рядом, собранный, сосредоточенный, и только один раз, у самой двери, бросил на неё короткий, ободряющий взгляд — мол, держись, прорвёмся.

Дед открыл не сразу. За дверью долго шаркали, гремели замком, потом она отворилась неохотно, — и на пороге возник хозяин, с глазами, похожими на две выцветшие пуговицы. Он оглядел их пристальным, недоверчивым взглядом, и ничего не сказав, посторонился, пропуская внутрь незваных гостей. Тим, прежде чем войти, демонстративно оставил входную дверь открытой, пристроив башмак, чтобы не захлопнулась, — и Алиса поняла: «Он не доверяет. Дед не доверяет им, а Тим не доверяет деду, а что если он... да нет, не может быть».

Сам хозяин в гостиную не вышел. Он удалился в соседнюю комнату с налитым кровью абажуром, — и говорил с замашками оракула.

— Ну, — раздался его голос, глухой, надтреснутый, но всё ещё крепкий, — и чего пришли? Мириться? Извиняться? Или новые ключи выпрашивать?

Алиса открыла было рот, но Тим опередил её, голос его звучал ровно, почтительно, без тени заискивания:

— Мы пришли предложить помощь. Я знаю, что случилось с альбомом. И Алиса знает. Мы не будем оправдываться и не будем никого выгораживать. Но мы хотим восстановить то, что было испорчено.

В комнате повисла тишина. Тяжёлая, густая, как вода в проявочном бачке. Потом дед хмыкнул — коротко, зло, — и заговорил снова:

— Помощь. Проект. Другие люди. Красиво говоришь, парень. Гладко. Я тоже когда-то красиво говорил. И что вышло? Я доверился этому... Зайцеву. Думал: вот парень, любит фотографию, понимает, чувствует. Я ему ключ дал от дома и всего что у меня было. А он что? Испортил альбом, который я так тщательно собирал. Понимаете вы это?

— Мы понимаем, — тихо сказала Алиса, и собственный голос показался ей чужим, тонким, ломким. — Правда, понимаем.

— Не такие, — передразнил дед, и в голосе его прозвучала усталая, выстраданная горечь. — Все вы «не такие», пока до дела не дойдёт. А потом — раз, и нет ничего. И альбома нет. И доверия нет. И меня, старика, скоро не будет. А наследие моё...

Он замолчал. Алиса слышала, как он тяжело, со свистом дышит около красного абажура, и представляла его сидящим на старом стуле, среди коробок с плёнками и выцветших фотографий.

— Может, — произнёс он наконец, и голос его изменился, стал тише, глубже, почти задумчивым, — может, моё наследие спасёт кто-то другой. Не похожий на меня. Не тот, кто всю

жизнь смотрел в объектив, боясь повернуть его на себя. Не тот, кто прятался от собственной семьи за чужими лицами. Может, нужен кто-то... кто умеет не только смотреть, но и видеть. Кто не побоится исправить чужие ошибки. Кто не предаст.

Алису мысленно вывернуло наизнанку. Он говорил о себе, но каждое его слово должно было падать прямо в неё. «Кто прятался от собственной семьи за чужими лицами». «Кто не побоится исправить чужие ошибки». «Кто не предаст». Она стояла и чувствовала, как внутри неё рвётся душа, что-то хочет вырваться наружу и закричать.

— Мы не предадим, — сказала она, и голос её, к её собственному удивлению, прозвучал твёрдо. — Обещаю.

Снова тишина. Потом шаркающие шаги, и дед появился в дверях красной комнаты. В руках он держал конверт с фотографиями. Он протянул его Алисе без единого слова, — и она приняла его, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Вот, — сказал он сухо. — Оцените фронт работы. Посмотрите, что можно сделать. Если справитесь — отдам остальное. Если нет, то уходите и больше не возвращайтесь.

Алиса прижала собрание фотографий к груди и посмотрела на Тима. Тот едва заметно кивнул Порфирию. Они пообещали, что сделают всё возможное. Дед закрыл за ними дверь, всё так же молча.

Они поднялись на один лестничный пролёт и зашли в квартиру Алисы. Мамы не было дома. Они листали фотографии, смотря на затемнённые вином снимки. Смотрели долго. Молча. А потом Алиса подняла глаза на Тима. Он посмотрел на неё. И они, не сговариваясь, сказали: «мрак».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.